

Литрес ≡ Классика

Вальтер Скотт

ЛЕГЕНДА О МОНТРОЗЕ

Вальтер Скотт

Легенда о Монтрозе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74201941

Легенда о Монтрозе / Вальтер Скотт: Литрес Классика; Москва; 2026

Аннотация

Середина XVII века, Шотландия раздираема гражданской войной между ковенантерами и роялистами. Король Карл I поручает блистательному и гордому графу Монтрозу возглавить горцев в походе на север, чтобы переломить ход войны. В центре повествования – военные хитрости, родовая месть, любовный треугольник и появление одного из самых колоритных персонажей Вальтера Скотта – капитана Дэлгетти, наёмника, который одинаково предан и войне, и своей выгоде. Историческая буря становится декорацией для испытания человеческих сердец.

Содержание

Вступление[1]	6
Глава I	17
Глава II	31
Глава III	50
Глава IV	58
Глава V	76
Глава VI	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Вальтер Скотт
Легенда о Монтрозе

ЛитРес

библиотека

© «Литрес», 2026

¹ В романе «Легенда о Монтрозе», написанном в 1819 г., Вальтер Скотт показал одну из трагических страниц истории Шотландии – восстание крупного шотландского феодала Джеймса Грэма, графа Монтроза в 1645 г. против английского и шотландского парламента в защиту короля Карла I Стюарта. Скотт предпослал своему роману введение, в котором говорится о старшине Мак-Элпине, возвратившемся на родину после разгрома 1745 г. и выселения кланов. Но в романе, действие которого относится к середине XVIII в., шотландские кланы еще живут бурной, кипучей жизнью, и Вальтер Скотт вскрывает причины их грядущей гибели.

Вступление¹

Сержант Мор Мак-Элпин во все время своего пребывания среди нас был одним из наиболее почетных обитателей

Гандерклейха. Никто и не думал оспаривать его права на большое кожаное кресло, стоявшее в самом уютном уголке, у камина, по субботам, в общей зале трактира под вывеской «Герб Уоллеса». Так же и наш пономарь Джон Дуирвард считал бы за большое невежество, если бы кому-нибудь вздумалось самовольно занять угловое сиденье на левой скамье, ближайшей к церковной кафедре, которое всегда занимал по воскресеньям сержант Мор. Тут он и сидел, в своем синем инвалидном мундире, вычищенном самым тщательным образом. Две медали в петличке и пустой рукав вместо правой руки свидетельствовали, что он был честным служакой и видал виды на своем веку. Резкие черты его загорелого лица, седые волосы, завязанные сзади хвостиком, по старинной военной моде, а также привычка слегка наклонять голову на левый бок, чтобы легче расслышать голос пастора, также служили признаками его звания и недугов. Рядом с ним сидела его сестра Дженет, чистенькая старушка в чепце и клетчатом пледе, которая на лету ловила малейшие желания своего брата, в ее глазах величайшего в мире героя, и отыскивала для него в Библии с серебряными застежками те места и тексты, которые цитировал или объяснял священник.

Я думаю, что именно это всеобщее почтение, оказываемое ему всеми поголовно жителями Гандерклейха, было причиной, что заслуженный воин избрал своим местопребыванием наше село, – первоначальные его планы были совсем иного рода.

Он дослужился до чина старшего сержанта артиллерии после долговременных походов по всему свету и считался одним из самых храбрых и благонадежных людей в шотландской милиции. Во время испанской кампании шальная пуля раздробила ему правую руку, что доставило ему наконец возможность с честью выйти в отставку, получить пенсию из инвалидного капитала и порядочную награду из так называемого патриотического фонда. К тому же сержант Мор Мак-Элпин был не только храбрый воин, но и умеренный человек, а потому успел кое-что сберечь на черный день, и когда получил еще награду, то оказался обладателем небольшого капитала, который и обратил в процентные облигации государственного банка.

Устроив таким образом свои дела, он вознамерился жить своими доходами в той самой горной шотландской долинке, где, еще будучи мальчиком, он пас черных коров и коз, куда не слышал барабанного боя, который заставил его заломить шапку набекрень и уйти вслед за этой музыкой, таскавшей его за собой по разным землям в течение целых сорока лет. В его памяти эта долька осталась таким прелестным местом, в сравнении с которым ни одна из посещенных им роскошных стран ровно ничего не стоила. Вероятно, и Счастливая долина принца Расселаса² не выдержала бы в его

² ...*Счастливая долина принца Расселаса*... – Расселас – герой философской повести Сэмюэла Джонсона (1709–1784) «Расселас – принц Абиссинии». Расселас жил в Счастливой долине, окруженной со всех сторон горами; он отправился путешествовать по свету в поисках счастья и, не найдя его нигде, вернулся в

глазах такого сравнения. Воротился он на родину, пришел в свои любезные места; оказалось, что это не более как бесплодная лощина, окруженная крутыми скалами, а на дне ее бежит с севера ручей. Но это бы еще ничего. Тридцать домашних очагов навеки потушили свои огни; от домика его предков остались лишь несколько разрозненных камней; даже местное наречие почти исчезло, потому что древний род, от которого он с гордостью вел свою родословную, переселился за океан и нашел себе пристанище в Северной Америке. Один фермер-южанин, три пастуха в серых плащах да полдюжины собак были единственными обитателями лощины, где во дни его молодости проживало если не в богатстве, то, по крайней мере, в довольстве более двухсот человек.

Однако в доме нового хозяина сержант Мак-Элпин встретил неожиданный источник радости и наилучшее средство к удовлетворению своей потребности в семейной жизни. По счастью, сестра его Дженет так твердо была убеждена, что брат когда-нибудь да воротится домой, что наотрез отказалась последовать за своими родственниками в дальнюю сторону. Как ни было это для нее унижительно, она согласилась даже поступить в услужение к изгнавшему ее родичей южанину и говорила впоследствии, что он хоть и саксонец, а был для нее добрым хозяином. Такая неожиданная встреча с сестрой показалась сержанту достаточным утешением во всех горестях и недочетах его жизни, хотя все-таки непро-

шенная слеза навернулась на его ресницы, когда он услышал из уст сестры подробную историю выселения деревни, рассказанную так, как только местная уроженка сумела бы ее рассказать.

Она обстоятельно излагала ему, как они тщетно предлагали уплатить все подати вперед, что неминуемо должно было довести их до нищеты; но они и на это были готовы, лишь бы дали им жить и умереть на родной земле. Дженет не забыла упомянуть и о предзнаменованиях, возвестивших об уходе из края кельтской расы и о замене ее чужеземцами. За два года до переселения, каждый раз, как по ночам ветер выл в ущелье Балахры, он явственно напевал мелодию песни «Хатиль ми тулид» («Мы уйдем и не вернемся»), которую обыкновенно пели переселенцы, отплывая от родных берегов. На холмах, среди тумана, часто раздавались резкие возгласы южных пастухов и лай их собак, задолго до их появления в стране. Последний бард их рода сложил песню о том, как исконные обитатели долины были изгоняемы оттуда, и, слушая эту песню, старый воин чувствовал, как невольные слезы закипают у него на глазах. Первый куплет этой баллады в вольном переводе начинался так:

Ах, зачем ты, сын равнины,
Кинул свой привольный край?
Пожалей ты наши нивы,
Тихий дом не разоряй!

Всего больше огорчило сержанта Мора то обстоятельство, что главным зачинщиком переселения был тот самый вождь, который в силу предания и общественного мнения считался представителем древнего их рода и предводителем клана. А сержант Мор до сих пор чрезвычайно гордился тем, что мог доказать свое кровное с ним родство посредством генеалогического древа. Но после этого в его чувствах к нему произошла радикальная и горестная перемена.

– Не могу я предать его проклятию, – сказал сержант, встав с места и шагая назад и вперед по комнате, когда Дженет закончила свою повесть, – и не хочу проклинать. Он все-таки наследник и представитель отцов наших. Но отныне никто не услышит от меня его имени! – И он сдержал слово: до самого смертного часа ни разу он не произнес имени этого себялюбивого и жестокосердного вождя.

Посвятив день-другой печальным воспоминаниям, отважный дух сержанта, не покидавший его среди многих опасностей, воспрянул в его груди и внушил ему еще одно предприятие. Он решился отплыть в Канаду, где поселились его родичи и даже называли одну американскую лощину именем своей родной долины.

– Дженет, – сказал он, – подоткни-ка юбки, как следует в дорогу, да и марш за мной. Дальнее расстояние? А плевать мне на эту даль; она ничего не значит в сравнении с теми походами да переходами, что мы отламывали на своем веку и не с такими еще важными целями!

Собрались они, вышли из гор и пришли вместе с сестрой в Гандерклейх, по дороге в Глазго, откуда намеревались отплыть в Канаду. Между тем настала зима. Рассудив, что лучше дожидаться весны и совершить переезд уж тогда, когда вскрыется река Святого Лаврентия, он поселился у нас на несколько месяцев своего пребывания в Великобритании. Как упомянуто выше, во всех классах населения он встретил у нас самый почтительный и внимательный прием; так что, когда пришла весна, он так был доволен своим новым местопребыванием, что больше не заикался о путешествии. Дженет боялась переезда по морю, да и сам он начал ощущать свои недуги и последствия прежних трудов гораздо сильнее, чем ожидал. Словом, как он признавался священнику (и моему почтенному принципалу) мистеру Клейшботэму, он находил, что «лучше оставаться с добрыми друзьями, чем ехать вдаль, да еще нажить что-нибудь и похуже».

Так он и основался у нас в Гандерклейхе, к великому удовольствию, как уже сказано, всех обитателей, для которых он сделался настоящим оракулом по части всех военных известий, истолкования газет, реляций и прочих событий как в прошедшем, так в настоящем и будущем.

Были, впрочем, у сержанта некоторые черты, ставящие нас в большое затруднение. У него недоставало последовательности. Так, он был завзятый якобит, и в 1745 году его отец и четыре дяди участвовали в восстании³. Но в то же

³ ...в 1745 году его отец и четыре дяди участвовали в восстании. — Речь идет о

время он стоял горой и за короля Георга⁴, на службе которого нажил свое маленькое состояние и потерял трех братьев, так что одинаково опасно было в его присутствии назвать принца Карла претендентом или сказать что-либо не к чести короля Георга. Кроме того, нечего греха таить, в те дни, когда он получал свои доходы, сержант засиживался по вечерам в «Гербе Уоллеса» гораздо дольше, чем того требовало трезвое поведение и даже простой хозяйственный расчет, ибо в этих случаях его собутыльники ухитрялись угождать ему, распевая якобитские песни, провозглашая гибель Бонапарту и здоровье герцога Веллингтона⁵ до тех пор, покуда

якобитском восстании 1745–1746 гг., поднятом внуком Иакова II, принцем Карлом Эдуардом, с целью восстановления династии Стюартов. Восставшие, поддержанные шотландскими горцами, одержали ряд побед, но в дальнейшем, не получив широкой поддержки, потерпели поражение, и Карл Эдуард бежал во Францию. Якобитское восстание 1745–1746 гг. – последняя попытка Шотландии отделиться от Англии (см. роман «Уэверли»).

⁴ ...в то же время он стоял горой и за короля Георга... – В Англии в то время правил Георг II (1727–1760), второй король из протестантской Ганноверской династии, воцарившейся с 1714 г., после смерти королевы Анны. Ганноверские курфюрсты были призваны на английский трон представителями торговой и финансовой буржуазии, политической партией которой были виги, с целью воспрепятствовать возможности возвращения Стюартов к власти.

⁵ ...провозглашая гибель Бонапарту и здоровье герцога Веллингтона... – Артур Уолсли, герцог Веллингтон (1769–1852) – английский государственный деятель и полководец, командовавший английскими войсками в битве при Ватерлоо (1815), где Наполеон I потерпел окончательное поражение. Веллингтон, как победитель Наполеона, стал национальным героем Англии. В романе разговор о Бонапарте и Веллингтоне – одно из исторических несоответствий, допущенных Вальтером Скоттом. Сержант Мак-Элпин, возвратившийся после длитель-

сержант не раскошеливался окончательно и не только брал на себя уплату за угощение всей компании, но раздавал взаймы по мелочам некоторым из своих корыстных товарищей. По миновании таких *спрысков*, как он это называл, и придя на другой день в более здоровое состояние, он почти всякий раз благодарил Бога и с признательностью поминал герцога Йоркского⁶, постановившего такие правила, при помощи которых старому солдату гораздо труднее стало разориться по собственной глупости, чем бывало в старину.

Но я не в таких случаях бывал в обществе сержанта Мора Мак-Элпина. Напротив, когда выдавался у меня свободный часок, я любил разыскивать его, как он выражался, на утреннем или на вечернем параде, то есть на прогулке, которую он в хорошую погоду совершал так же аккуратно, как если бы его призывал туда барабанный бой. По утрам он выходил гулять под тенью вязов на кладбище, потому что смерть, говорил он, столько лет кряду состояла его ближайшей соседкой, что прерывать с ней знакомство уж не приходится. Вечерняя его прогулка происходила на белильном лугу, на берегу реки, где нередко можно было застать его сидящим на скамейке, с очками на носу, окруженным сельскими политиками, которым он читал газету, объяснял военные термины и да-

ной военной службы в середине 40-х гг. XVIII в., конечно, не мог дожить до событий 1808–1815 гг., когда могло возникнуть такое сопоставление Бонапарта и герцога Веллингтона.

⁶ *Герцог Йоркский* – титул, который обычно жаловался вторым сыновьям английских королей.

же, ради большей вразумительности, кончиком своей палки делал на земле чертежи. В другое время он, бывало, заберет себе под команду толпу школьников и учит их выделять артикул, а иногда, к неудовольствию родителей, обучает их таинствам приготовления фейерверков. На случай публичных торжеств и общественных праздников сержант состоял присяжным пиротехником (как выражаются в энциклопедиях) при Гандерклейхе.

Я чаще встречался с ветераном во время утренней прогулки. И теперь еще, глядя на дорожку, осененную высокими вязами, поневоле вспоминаю вытянутую фигуру старика, идущего мне навстречу мерным шагом и своей палкой отдающего мне честь по-военному... Но он давно скончался и спит рядом со своей верной Дженет, как раз под третьим деревом с краю, считая от рогатки в западном углу кладбища.

Восхищение, с которым я слушал рассказы сержанта Мак-Элпина, относилось не только к личным его приключениям, – а их было немало в течение долгой, скитальческой его жизни, – но также к его многочисленным воспоминаниям о хайлендерских преданиях, о которых в ранней молодости слышался он от своих родителей и до конца жизни счел бы святотатством усомниться в их подлинности. Из числа таких преданий многие относились к походам Монтроза⁷, в

⁷ ...относились к походам Монтроза... – Джеймс Грэм, граф Монтроз (1612–1650) – маркиз, крупный шотландский феодал. В годы гражданской войны Монтроз принял сторону короля. С 1644 г. он командовал королевскими войсками в Шотландии, одержал победу в битве при Типпермуре, затем, в феврале 1645 г., –

которых, по-видимому, некоторые из предков сержанта принимали деятельное участие. Невзирая на то что эти междоусобия проливают весьма выгодный свет на хайлендеров, так как в это время они впервые выказали свое равенство — а в иных случаях даже и превосходство — в военных стычках с соседями из южных равнин, однако случилось так, что эти события гораздо слабее живут в памяти народа, нежели многие другие, несравненно менее интересные. Поэтому я с особым удовольствием вытягивал из памяти моего воинственного друга и некоторые любопытнейшие подробности, относящиеся к тому времени. К ним примешано немало дикостей и странностей, неразлучных с духом той эпохи и самого рассказчика; но зато я нимало не посетую на читателя, если он к этой части повествования отнесется с недоверием, лишь бы он имел любезность в полной мере верить тому, что здесь приводится фактического и что наравне со всеми прочими историями, которые я имел честь повергать на его благоусмотрение, основано на истинных событиях.

над Аргайлом при Инверлохи, однако осенью того же года был разбит в битве при Филиппху и бежал на континент. В 1650 г. предпринял неудавшуюся попытку высадиться в Шотландии с целью восстановить на престоле Карла II, сына казненного Карла I Стюарта; был схвачен и казнен.

Глава I

*...Кто веру крепкую свою
Доверил пике да ружью,
Кто, вместо богословских прений
И всяких длинных рассуждений,
Лишь в пушке видел свой оплот;
И наконец пустили в ход,
Как убедительную речь,
Артиллерийскую картечь.*

*Батлер*⁸

Начало нашей повести относится к периоду великого и кровавого междоусобия, которое в семнадцатом веке потрясало Великобританию⁹. До тех пор Шотландия еще была сво-

⁸ *Батлер* Сэмюел (1612–1680) – английский поэт, ставший известным в годы реставрации Стюартов; автор антипуританской поэмы «Гудибрас», откуда и взят эпиграф.

⁹ ...относится к периоду великого и кровавого междоусобия, которое в семнадцатом веке потрясало Великобританию. – Вальтер Скотт имеет в виду события английской буржуазной революции XVII в., а именно время первой гражданской войны 1642–1646 гг. Карл I Стюарт, бежав из Лондона на север страны, в августе 1642 г. начал гражданскую войну. Вокруг короля собрались земельная аристократия, англиканское духовенство и те слои общества, экономические и политические интересы которых зависели от короны. На стороне парламента оказались не только буржуазия и связанные с ней круги дворянства, но и английское крестьянство и городские низы, исторические интересы которых заключались в уничтожении феодальной системы. В конце так называемой второй гражданской

бодна от ужасов междоусобной войны, но жители ее уже проявляли серьезные несогласия по части политических вопросов; многие из них, наскучив подчинением шотландскому союзному парламенту и не одобряя принятой им решительной меры, состоявшей в том, чтобы послать в Англию многочисленное войско на помощь парламенту, решились со своей стороны при первом удобном случае заявить себя сторонниками короля и произвести такую диверсию, которая вынудила бы, по крайней мере, отозвать из Англии армию генерала Лесли¹⁰, если бы даже большинство Шотландии и не примкнуло еще к партии короля. Этот план был принят преимущественно северным дворянством, которое с великим упорством противилось заключению Торжественной лиги и кovenанта¹¹, а также и многими вождями горных кланов; послед-

войны Карл I был взят в плен и казнен (1649), а в Англии провозглашена республика.

¹⁰ ...отозвать из Англии армию генерала Лесли... – Александр Лесли, лорд Ливен (1580–1661) – шотландский военачальник, сражавшийся, как и многие шотландцы, в годы Тридцатилетней войны (1618–1648) в армиях шведских королей Карла IX и Густава Адольфа в России, Австрии, Польше, Дании. Возвратившись в Шотландию, Лесли примкнул к противникам короля Карла I, ковенантерам, и в гражданской войне возглавил шотландскую армию, посланную в Англию на помощь британскому парламенту. После казни короля Лесли стал на сторону Стюартов и выступил против Кромвеля, он был разбит последним при Данбаре (1650).

¹¹ ...противилось заключению Торжественной лиги и кovenанта... – В 1638 г. попытка Карла I, добивавшегося усиления самодержавной власти, ввести англиканскую церковь в Шотландии вызвала протесты шотландских пресвитериан; ими была дана торжественная клятва бороться с абсолютизмом Карла I, так на-

ние полагали, что их прямая выгода и авторитет связаны с королевской властью, питали положительное отвращение к пресвитерианской форме религии, да к тому же находились в том полудиком состоянии, в котором война всегда представляется привлекательнее мира.

Совместное действие всех этих причин предвещало великую неурядицу, и случайные набеги, которые шотландские горцы во все времена производили на равнины, начали принимать более постоянный и систематический характер, являясь как бы частью общего, определенного военного плана.

Люди, стоявшие во главе правления, понимали, что настает опасная минута, и усердно принялись за приготовления к тому, чтобы встретить ее и отразить. Впрочем, они значительно успокаивались на том, что на севере не появлялось ни одного вождя, достаточно значительного или популярного, чтобы сплотить вокруг себя целую армию роялистов или хотя бы направить деятельность тех бродячих шаек, которые предприняли военные действия, вероятно, столько же из любви к грабежу, сколько из соображений политических. Вообще полагали, что, если выставить некоторое количество

зываемый ковенант (от *англ.* covenant – договор, соглашение). Народные массы объединились вокруг ковенанта для защиты страны от посягательств английского короля. Шотландское восстание и последовавшая за ним война явились предвестниками английской буржуазной революции. В 1643 г., во время гражданской войны, шотландские ковенантеры заключили с лондонским пресвитерианским парламентом союз против роялистов. Этот договор получил название Торжественной (или Священной) лиги. На основании этого соглашения в 1644 г. в Англию была послана шотландская армия под командованием Лесли.

регулярного войска в равнине, на границе предгорий, этого будет достаточно для усмирения горных вождей; между тем как влияние нескольких северных баронов, примкнувших к договору, как, например, графа Маршала, знатных фамилий Форбс, Лесли, Ирвинг, Грант и других пресвитерианских кланов, могло оказать противовес не только могущественным Огильви и другим роялистам из Ангуса и Кинкардина, но даже самим знаменитым Гордонам, властное влияние которых равнялось их ненависти к пресвитерианским образцам.

В горных округах западной Шотландии правительство насчитывало тоже немало врагов; но предполагалось, что могущество недовольных кланов ослаблено и вожди их запуганы возрастающим влиянием маркиза Аргайла¹², на которого союзный совет возлагал все свои надежды и власть которого в горных округах, и прежде весьма значительная, еще усилилась уступками, насильственно добытыми от короля во время последнего замирения. Впрочем, было известно, что Аргайл скорее искусный политик, нежели отважный воин, и более пригоден для ведения государственной интриги, чем

¹² *Маркиз Аргайл* Арчибалд (1607–1661) – возглавлял борьбу шотландских пресвитериан против Карла I Стюарта. Его политика выражала интересы городской буржуазии и той части землевладельцев, которая была заинтересована в развитии капиталистических отношений и поэтому выступала против абсолютизма, стремясь, однако, не допустить углубления революции и подлинной демократизации общественной жизни. Впоследствии Аргайл перешел на сторону защитников королевской власти, но тем не менее после реставрации Стюартов был казнен.

для усмирения враждебных горцев. Но численность его клана и доблестный дух воинственных его предводителей вполне могли загладить личные недостатки главного вождя; и так как члены фамилии Кэмпбел успели уже значительно усмирить некоторые из соседних племен, полагали, что эти последние не скоро захотят снова помериться силами с таким могущественным кланом.

Таким образом, имея в своем распоряжении весь юг и запад Шотландии (составляющие, бесспорно, богатейшую ее часть), располагая притом на особых правах графством Файф и насчитывая многих и могущественных сторонников даже севернее Форта и Тэя, шотландский союзный совет считал для себя вполне безопасным держаться однажды принятого образа действий и не считал нужным отозвать из Англии двадцатитысячную армию, посланную на подмогу английскому парламенту; а помощь эта оказалась столь существенной, что по ее милости партия короля вынуждена была принять оборонительное положение, тогда как до тех пор пользовалась повсеместным успехом и одерживала одну победу за другой.

Причины, побудившие шотландский союзный совет принимать в это время столь непосредственное и деятельное участие в английских междоусобиях, подробно изложены нашими историками; но и здесь можно вкратце их перечислить. Никаких новых поводов к неудовольствию на короля они не имели, и мир, заключенный Карлом I с его шотланд-

скими подданными¹³, не был нарушен; но правители Шотландии понимали, что этот мир насильно навязан королю с одной стороны парламентской партией в Англии, с другой – боязнью их собственных военных сил. Правда, после заключения мира Карл I лично побывал в столице своего древнего королевства, утвердил новую организацию церкви и даже надавал важных почестей и наград предводителям той партии, которая наиболее враждебно относилась к его личным интересам; но думали, что милости, столь неохотно дарованные, могут быть и отняты при первом удобном случае.

В Шотландии с глубокими опасениями взирали на приниженное положение английского парламента; боялись, что, если Карлу удастся с помощью войска усмирить мятежных англичан, он вскоре потребует, чтобы и шотландцы помогли ему отомстить тем, кто подал пример восстания. Таково было значение политики, внушавшей им послать в Англию вспомогательную армию; и это было вполне откровенно выражено в манифесте, изданном ради разъяснения причин, почему они сочли своевременным оказать такую поддержку английскому парламенту. «Английский парламент, – говори-

¹³ ...мир, заключенный Карлом I с его шотландскими подданными... – Имеется в виду Риппонский мир, заключенный в октябре 1640 г. Карлом I с Шотландией после неудачной войны с ковенанторами (1639–1640), в результате которой шотландцы оккупировали северные графства Англии. Надежды короля, что после мира шотландский парламент станет на сторону короны, не оправдались: шотландцы с начала революции заняли враждебные по отношению к Стюартам позиции.

лось в манифесте, – оказывал нам дружеские услуги и впредь еще может оказать таковые; король же, хотя еще недавно установил им религию, согласно их желаниям, однако же не дал им повода вполне доверять его королевским обещаниям, ибо его слова не всегда согласуются с его действиями. Совесть наша, – было сказано в заключение, – и Бог, Который еще выше нашей совести, повелевают нам заявить, что мы имеем в виду лишь славу Божию, мир обоих народов и честь короля, когда предпринимаем, на законных основаниях, усилия, чтобы наказать и усмирить тех, кои являются зачинщиками смут в Израиле, подстрекателями диавола, исчадиями Корахов, Валаамов, Дозгов, Рабшеков, Аманов и Товиев¹⁴ нашего времени, а совершив сие – успокоимся. Равно заявляем, что не помышляли посылать в Англию означенную военную экспедицию для достижения помянутых благочестивых целей, пока не истощили предварительно всяких других средств, какие могли придумать; и тогда лишь надумались употребить сие последнее средство как единственное, что нам осталось».

Предоставляю казуистам решить, имеет ли право одна из договорившихся сторон нарушить торжественный договор только из-за того, что она подозревает возможность такого нарушения другой стороной, и перейду к еще двум обстоя-

¹⁴ *Корак, Валаам, Дозг, Рабшек, Аман и Товий* – упоминающиеся в Библии враги Израиля. Встречающиеся дальше имена пророка Неемана, сынов Зеруаха и др. взяты также оттуда.

тельствам, имевшим на шотландских правителей и народ отнюдь не меньшее влияние, чем сомнения их насчет добросовестности короля.

Первым из них был состав и состояние их войска. Во главе его стояли неимущие и недовольные дворяне, под командой которых были офицеры, состоявшие преимущественно из шотландских авантюристов, до тех пор воевавших в Германии, пока они вовсе не потеряли понятия о политических принципах и даже о любви к родине, но зато выработали себе твердое убеждение, что первейшей обязанностью каждого воина должна быть верность тому государству или монарху, от которого он получает жалованье, причем вовсе не обращалось внимания ни на справедливость повода к войне, ни на личное свое отношение к той или другой партии. О людях этого сорта Гродиус¹⁵ дает следующий суровый отзыв: «Nullum vitae genus est improbus, quam eorum, qui sine causae respectu mercede conducti, militant»¹⁶.

Для этих жадных наемников, равно как и для обедневших дворян, с которыми они разделяли начальство над солдатами и которые также охотно присоединялись к их мнению,

¹⁵ Гродиус (Гроций) Гуго (1583–1645) – голландский философ и государственный деятель. Его книга «О праве войны и мира», изданная в разгар Тридцатилетней войны (1625), явилась первым систематическим изложением международного права и в течение долгого времени служила основным руководством для дипломатов.

¹⁶ Нет более бесчестного образа жизни, чем у воюющих ради платы, без уважения к делу, которому они служат (*лат.*).

довольно было и того, что недавнее краткое их вторжение в Англию, учиненное ими в 1641 году, принесло столь богатую наживу: им хотелось поскорее повторить такой прибыльный опыт. Щедрое жалованье и привольное житье на английских хлебах произвели самое благоприятное впечатление на этих воинственных авантюристов; одна мысль опять набирать до 850 фунтов контрибуции в день действовала на них лучше всяких красноречивых воззваний и заменяла им как государственные, так и нравственные соображения.

Другая причина столько же разжигала умы народа вообще, как лестная перспектива английского богатства прельщала умы солдатчины. С обеих сторон столько наговорили и написали по поводу формы церковного управления, что в глазах толпы эти вопросы казались несравненно важнее самих евангельских истин, принятых обеими церквями. Фанатизм прелатистов и пресвитерианцев дошел до такой нетерпимости, что не уступал в этом отношении и папистам¹⁷: ни одна из этих сект не допускала возможности вечного спасения вне пределов своего особого вероучения. Тщательно поставляли на вид этим изуверам, что, если бы основатель христианской религии считал какую-либо форму церковного управления существенной для спасения души, он бы дал на этот счет столь же определенные указания, какие были даны для Ветхого Завета. Обе партии продолжали отстаивать

¹⁷ Паписты – так протестанты называли католиков, которые признавали главой церкви «наместника Христа на земле» – Римского Папу.

свою правоту с таким ожесточением, как будто получали на то точные предписания с Небес. Епископ Лауд¹⁸ во дни своей власти сам поджег эту мину, попытавшись навязать шотландскому народу некоторые формы богослужения, противные его духу и традициям. Шотландцы так яростно и успешно сопротивлялись этим нововведениям и так поспешно ввели у себя пресвитерианские порядки, что сами привязались к ним, видя в них залог своего преуспевания. Они усерднейшим образом примкнули к Торжественному союзу и договору, принятому большей частью королевства, и силой меча старались водворить его в остальных частях, а этот договор главнейшей своей целью поставлял именно введение догматов и дисциплины пресвитерианской церкви и уничтожение ересей и расколов. И вот, достигнув у себя на родине установления этого «златого светильника», шотландцы возымели братское намерение оказать такое же благодеяние и своим английским соседям. Им казалось, что это легко осуществить, послав на помощь парламенту значительный отряд шотландского воинства. В английском парламенте пресвитерианцы составляли многочисленную и сильную партию и до сих пор постоянно чинили оппозицию королю, а индепенденты и другие сектанты, которые впоследствии, при Кромвеле, также взялись за меч и ниспровергли пресвитерианские

¹⁸ *Лауд* Уильям (1573–1645) – ближайший помощник Карла I в его политике укрепления королевской власти; с 1633 г. – архиепископ Кентерберийский; жестоко расправлялся с врагами английской церкви. В годы революции был приговорен палатой общин к смертной казни и обезглавлен.

порядки как в Шотландии, так и в Англии, покуда еще держались смиренно и искали покровительства более богатой и сильной партии¹⁹. Поэтому приведение к единству церковного управления в Англии и Шотландии как в смысле иерархии, так и богослужения казалось столь же справедливым, как и желательным.

Один из комиссаров, хлопотавших об устройстве союза между Англией и Шотландией, знаменитый сэр Генри Уэйн²⁰, увидел, какое сильное влияние эта приманка оказывала на людей, с которыми приходилось ему иметь дело. Будучи самым крайним индипендентом, он, однако, ухитрился и оживить, и в конце концов обмануть пламенные надежды

¹⁹ ...искали покровительства более богатой и сильной партии – то есть пресвитериан. Это было религиозное течение, которое отрицало церковную иерархию, епископат и признавало власть выборного старейшины – пресвитера (отсюда название). В начальный период революции пресвитериане являлись правящей партией и склонялись к компромиссу с королем, а впоследствии превратились в защитников королевской власти. Упоминаемые далее индипенденты оформились как политическая партия уже в ходе революции. Индипенденты отстаивали независимость церковных общин и их самоуправление, а в политике требовали установления республики. Лидером индипендентов был Оливер Кромвель (1599–1658). Власть этой более радикальной партии укрепилась после победы над королем в гражданской войне. У Вальтера Скотта это одно из немногих упоминаний в романе как об индипендентах, так и об Оливере Кромвеле. Другие, более решительные течения – левеллеры («уравнители»), сторонники широкой демократизации Англии, диггеры («копатели») с их утопическими идеями аграрного коммунизма – Вальтер Скотт не называет и говорит о них в тексте как о «прочих сектантах».

²⁰ Уэйн Генри (1613–1662) – деятель английской буржуазной революции, индипендент. Принимал участие в составлении Торжественной лиги и ковенанта.

пресвитериан, изложив обязательство переустроить английскую церковь в такой форме, что это будет сделано «согласно слову Божью и сообразно устройству наилучших церквей». Ослепленные собственным усердием, не сомневаясь в божественном происхождении своего церковного устройства и не считая возможным, чтобы кто-либо мог в этом сомневаться, союзный совет и шотландская церковь поняли эти слова в том смысле, что они подразумевают неперменное и повсеместное утверждение пресвитерианства. Они пребывали в этом убеждении до той поры, когда, не нуждаясь более в их поддержке, сектанты дали им понять, что эта фраза была одинаково приложима и к индипендентам, и ко всякой другой форме богослужения, лишь бы те, кто в данное время находится во главе управления, считали его согласным со «словом Божиим и устройством реформированных церквей». Обманутые шотландцы пришли в еще большее удивление, узнав, что английские сектанты имели в виду переделать монархическое устройство Великобритании; но, желая по возможности ограничить королевскую власть, они в то же время отнюдь не хотели отменить королевское звание. В этом отношении, однако, они действовали наподобие тех неосторожных врачей, которые пичкают пациента таким множеством лекарств, что совершенно изнуряют его организм и потом ничем уже не могут восстановить его силы.

Но это все случилось уже гораздо позднее. До сих пор шотландский парламент считал союз с Англией делом спра-

ведливости, благоразумия и благочестия, а военные его предприятия, казалось, оправдывали все его лучшие ожидания. Соединение шотландской армии с войсками Фэрфакса²¹ и Манчестера²² дало возможность парламентскому войску осадить Йорк и дать отчаянное сражение при Марстон-Муре²³, в котором были разбиты принц Руперт²⁴ и маркиз Ньюкаслский²⁵. Шотландские союзники, впрочем, менее отличились в этот раз, чем бы того желали их соотечественники.

²¹ *Фэрфакс* Томас (1612–1671) – деятель английской буржуазной революции, умеренный пресвитерианин. С января 1645 г., после военной реформы, Фэрфакс – главнокомандующий парламентской армией. Был заменен на этом посту Оливером Кромвелем, когда отказался выступить против сторонников Карла Стюарта, сына казненного короля.

²² *Манчестер* Эдуард Монтегю (1602–1671) – деятель английской буржуазной революции. Один из лидеров оппозиции в палате лордов в первый период революции. В начале гражданской войны 1642–1646 гг. был назначен главнокомандующим парламентской армией. Вел военные действия крайне нерешительно, надеясь на соглашение с королем, так как являлся сторонником компромисса с короной. В 1645 г. был отстранен от командования.

²³ *Марстон-мур* – место около Йорка, где в период первой гражданской войны, 2 июля 1644 г., парламентская армия разбила роялистов. Большую роль при этом сыграли кавалерийские полки Оливера Кромвеля. В сражении участвовали шотландские войска, посланные на помощь парламенту по соглашению 1643 г.

²⁴ *Принц Руперт* (1619–1682) – герцог Баварский и Камберлендский, племянник Карла I, командовавший королевской кавалерией во время гражданской войны.

²⁵ *Маркиз Ньюкаслский* Уильям Кэвендиш (1592–1676) – роялист, сражавшийся под Марстон-муром. В 1644 г. эмигрировал и возвратился в Англию после реставрации Стюартов.

Кавалерия их, с Дэвидом Лесли²⁶ во главе, билась отчаянно, и честь победы, несомненно, принадлежала ему и еще одной бригаде индепендентов, находившейся под начальством Кромвеля. Но старый ковенантский генерал, граф Ливен²⁷, был прогнан с поля сражения натиском храброго принца Руперта, бежал по направлению к Шотландии и успел отскочить целых тридцать миль, прежде чем дошли до него слухи, что его партия одержала полнейшую победу.

Отсутствие вспомогательного войска, высланного как бы в крестовый поход для насаждения в Англии пресвитерианства, значительно ослабило власть союзного шотландского парламента и подало повод к тем волнениям среди противников ковенанта (договора), о которых мы упомянули в начале этой главы.

²⁶ *Лесли Дэвид* (1601–1682) – шотландский генерал. В Тридцатилетнюю войну служил в шведских войсках. Вернулся в Шотландию в 1640 г. и примкнул к ковенантерам. С шотландской армией участвовал в гражданской войне в Англии. В битве при Марстон-муре (1644) кавалерия Дэвида Лесли и кавалерийские полки Оливера Кромвеля сыграли решающую роль. 13 сентября 1645 г. Дэвид Лесли разбил Монтроза при Филипхоу.

²⁷ ...*старый ковенантский генерал, граф Ливен...* – Имеется в виду командующий шотландской армией в Англии Александр Лесли (см. примеч. к с. 159).

Глава II

*Ему служили вместо колыбели
Отцовский щит и панцирь боевой;
Их звон и лязг младенцу песни пели,
Он засыпал под их протяжный вой.
Ему во сне уж битвы призрак снился,
А наяву он лишь ходить учился.*

Холл. «Сатиры»²⁸

В течение упомянутого смутного времени случилось, что однажды, к концу летнего вечера, молодой джентльмен знатного рода, исправно вооруженный и на добром коне, в сопровождении двух верховых слуг и одной выючной лошади, медленно подвигался вверх по одному из тех крутых ущелий, по которым можно пробраться в шотландские горы из равнин графства Пертского²⁹. Некоторое время они ехали берегом озера, глубокие воды которого отражали багряные лучи заходящего солнца. Неровная тропинка, по которой они проезжали с некоторым трудом, местами была осежена старыми березами и дубами, а местами над ней нависли глыбы скал.

²⁸ Холл Джозеф (1574–1656) – епископ Эксете́ра и Норича, поэт, выпустивший в 1597–1598 гг. две книги сатир, написанных по образцу римских.

²⁹ Живописное ущелье Лени, близ Каллендера, в графстве Ментейт, во многих отношениях соответствует этому описанию. – *Примеч. авт.*

В других местах холмы, окаймлявшие с севера это красивое озеро, подымались не так круто и были одеты вереском темно-пурпурного цвета. В наши дни такая картина могла бы привлечь внимание восхищенного путешественника, но в те беспокойные времена, когда путники были постоянно окружены опасностями всякого рода, им было не до того и даже в голову не приходило любоваться живописными окрестностями.

Во всех местах, где тропинка была попросторнее, джентльмен ехал рядом с одним из слуг, а не то и с обоими, и держал с ними серьезные совещания; причиной такого свободного с ними обращения были, вероятно, труды и опасности, всеми сообща разделяемые и потому часто заставлявшие господ забывать о различии рангов. Предметами настоящей беседы были, во-первых, образ мыслей вожаков местного населения, а во-вторых, степень вероятности их участия в политических столкновениях, которые в скором времени должны были возникнуть.

Проехав до половины береговой тропинки вдоль озера, молодой джентльмен только что указал своим спутникам видевшийся впереди поворот к северу, который отступал в этом месте от озера и поворачивал направо, в глубокую ложину, как вдруг они заметили одинокого всадника, ехавшего по тому же берегу, навстречу им. Солнечные лучи, ярко отражаясь на его шлеме и панцире, показывали, что он в полном вооружении, и, следовательно, нельзя было пропустить

его мимо без расспросов.

— Надо узнать, кто он таков и куда едет, — сказал молодой джентльмен.

Пришпорив коней, он и его спутники поскакали вперед, насколько позволяли неровности дороги, поспешая к тому месту, где береговая тропинка пересекалась входом в лошину, и желая таким образом помешать незнакомцу свернуть в сторону прежде, чем они соединятся с ним.

Одинокий всадник, видя троих конных людей, скакавших на него, тоже пришпорил свою лошадь; но, когда заметил, что они остановились и выстроились в ряд, преграждая ему путь, он придержал коня и стал приближаться к ним потише, так что обе стороны имели время основательно осмотреть друг друга. Одинокий путник ехал на крепком, выносливом коне, годном и для военных действий, и для ношения изрядной тяжести, а сам он так крепко и свободно сидел в своем боевом седле, что видно было, как он привык к нему. На нем был блестящий шлем из вороненой стали, украшенный пучком перьев; на груди толстый панцирь, непроницаемый для ружейной пули, а на спине кираса из более легкого материала. Под панцирем была у него кожаная куртка, на руках стальные рукавицы до самых локтей. Впереди седла висела пара пистолетов необычайной величины, почти два фута длиной, заряженных «двадцатками», то есть пулями по двадцати штук на фунт. Кожанный пояс с широкой серебряной пряжкой поддерживал висевший на левом боку длин-

ный, обоюдоострый, прямой меч, с крепкою рукояткой и таким лезвием, которое могло и колоть и рубить. На правом боку висел кинжал, дюймов восемнадцать в длину. На перевязи за спиной виднелся мушкетон, а на другой перевязи, которая перекрещивалась с первой, прикреплены были пороховница и прочие запасные снаряды. Стальные набедренники спускались вплоть до толстых и длинных сапог, которыми заканчивалось полное боевое вооружение тогдашнего воина.

Наружность этого всадника вполне соответствовала его костюму, очевидно, издавна для него привычному. Он был выше среднего роста и настолько крепок, что без малейшего усилия носил свои тяжелые наступательные и оборонительные доспехи. Ему было, наверное, за сорок лет, а по лицу было заметно, что это человек решительного нрава, отважный боец, побывавший во многих сражениях и вынесший оттуда немало шрамов и рубцов. Шагов тридцать не доезжая до встречных путников, он остановил коня, приподнялся на стременах, как бы желая сперва удостовериться в намерениях противника, и взял под мышку мушкетон, чтобы он был под рукой в случае надобности. Во всех отношениях, кроме численности, он был обставлен выгоднее тех, что вознамерились преградить ему дорогу.

Правда, предводитель этой маленькой партии ехал на прекрасной лошади, и кожаный камзол его был богато расшит шелками, как было принято в те времена для домашних ко-

стюмов воинского сословия; но на слугах его были только толстые куртки из грубого войлока, которые, конечно, не защитили бы их от удара мечом, если бы наносила его сколько-нибудь опытная и сильная рука; к тому же они были очень слабо вооружены, имея при себе лишь пистолеты и мечи, без которых ни джентльмены, ни слуги их никогда не выходили из дому в те смутные времена.

Простояв с минуту, во все глаза глядя друг на друга, молодой джентльмен задал наконец вопрос, неизбежный при каждой подобной встрече с незнакомым человеком:

– Вы за кого стоите?

– Прежде вы мне скажите, – отвечал воин, – за кого стоите вы? Вас больше, вы и должны прежде высказаться.

– Мы за Бога и короля Карла, – отвечал первый из говоривших. – Теперь вы знаете, какой мы партии, назовите же и свою.

– Я за Бога и за свое знамя, – ответил одинокий всадник.

– А какое же ваше знамя? – спросил предводитель его противников. – Вы кавалер или круглоголовый³⁰, за короля или за ковенант?

– Честное слово, сэра, – отвечал воин, – не хотелось бы

³⁰ ...кавалер или круглоголовый... – Круглоголовые – кличка, которой в период английской буржуазной революции приверженцы короля окрестили сторонников парламента, вступивших с ними в борьбу. Кличка эта указывала на связь последних с простым народом, который, в отличие от джентльменов, носивших волосы до плеч, стриг волосы. В свою очередь, противники короля называли его приверженцев кавалерами.

мне сказать вам неправду, ибо это непристойно для воина и дворянина. Но, дабы отвечать вполне правдиво, необходимо сперва, чтобы я сам решил, к которой из партий, ныне разделяющих государство, удобнее мне окончательно примкнуть; а это такая материя, насчет которой я еще покуда не пришел ни к какому решению.

– Я полагаю, – сказал молодой джентльмен, – что, когда дело идет о верности престолу и религии, ни один джентльмен и никакой вообще честный человек не может сомневаться насчет того, к какой партии ему примкнуть!

– Поистине, сэр, – возразил вояка, – если вы сказали это в переносном смысле, имея в предмете заподозрить мою честь или дворянское происхождение, я готов с радостью принять ваш вызов и пойду один против вас троих. Если же вы затеяли логическое рассуждение, каковому и я в молодости обучался в маршальской коллегии Абердина, то я могу логически доказать вам, что, откладывая на время решение вопроса о том, к которой из партий мне примкнуть, я поступаю не только как подобает джентльмену и честному человеку, но также согласно с благоразумием, осторожностью и полученными в юности гуманитарными правилами, притом как человек, с ранних лет привыкший воевать под знаменем непобедимого Густава³¹, Северного Льва, а также под

³¹ *Густав Адольф* (1611–1632) – король Швеции, полководец, игравший большую роль в Тридцатилетней войне. Возглавлял так называемую Протестантскую унию.

начальством многих других героев как лютеранского и кальвинистского закона, так и папистов и арминиан³².

Обменявшись несколькими словами со своими спутниками, молодой джентльмен сказал:

– Я был бы рад, сэр, побеседовать с вами о столь интересных вопросах и чрезвычайно бы гордился, если бы мне удалось убедить вас в правоте того дела, которому я сам служу. Я еду сегодня к одному из моих друзей, дом которого не дальше трех миль отсюда. Там, если бы вам удобно было сопровождать меня, вы найдете хороший ночлег, а наутро можете беспрепятственно отправиться далее, в случае если не рассудите за благо присоединиться к нам.

– А кто мне поручится за это? – спросил осторожный воин. – Надо узнать, с кем имеешь дело, иначе попадешь в западню!

– Меня зовут, – отвечал молодой джентльмен, – граф Ментейт, и я надеюсь, что мое честное слово послужит достаточной для вас порукой.

– Истинный дворянин, – сказал воин, – никогда не скажет неправды. – Тут он перекинул мушкетон обратно за спину, отдал честь по-военному и, подъехав к юному графу, продолжал свою речь. – Надеюсь, – сказал он, – что и я, со своей стороны, могу поручиться, что буду добрым товарищем ва-

³² Лютеране, кальвинисты и арминияне – последователи Мартина Лютера, Жана Кальвина и Иакова Арминия. Эти антикатолические реформационные движения, возникшие в различных странах Европы, часто были враждебны друг другу.

шему сиятельству как в мире, так и в опасности, на все время, какое проведем мы вместе; и слова мои также будут вами приняты на веру, хотя по нынешним сомнительным временам справедливо говорится, что безопаснее держать голову в шлеме, чем в мраморном дворце.

– Могу вас уверить, сэр, что, судя по вашей наружности, – сказал лорд Ментейт, – я весьма высоко ценю честь состоять под вашей охраной; но полагаю, что нам не придется проявлять свою храбрость, потому что я вас приведу в дружеский дом, где нам будет и сытно и покойно.

– Хороший ночлег, милорд, – возразил воин, – вещь прекрасная, и выше его можно поставить разве что хорошее жалование или хорошую добычу, не считая, конечно, военной чести или исполнения предписанных нам обязанностей. Поистине, милорд, ваше благородное предложение тем более для меня кстати, что ведь я не знал наверное, найду ли сегодня пристанище для себя и для бедного моего товарища, – прибавил он, похлопав свою лошадь по шее.

– В таком случае могу ли я узнать, – сказал лорд Ментейт, – кому буду иметь честь служить сегодня квартирмейстером?

– Конечно, милорд. Зовут меня Дальгетти, Дугалд Дальгетти, ротмистр Дугалд Дальгетти из Драмсуокита, к услугам вашего сиятельства. Вы могли встретить это имя в «Франко-бельгийском листке»³³, в «Шведском вестнике» или же,

³³ «Франко-бельгийский листок» и др. – Здесь Дальгетти искажает названия

если понимаете по-голландски, в газете «Летучий Меркурий», издаваемой в Лейпциге. Родитель мой, милорд, посредством неудачных спекуляций довел изрядное состояние до полного разорения, так что я, восемнадцати лет от роду, считал за благо отдать образование, полученное мной в маршальской коллегии Абердина, дворянскую мою кровь, прозвище Драмсуокит, пару своих здоровых рук и таковых же ног на службу в германские войска и там на войне поискать счастья и поправить свои дела. И вот, милорд, оказалось, что ноги-то и руки были для меня не в пример полезнее и дворянского происхождения, и книжной науки. Поступил я рядовым под команду старика сэра Людовика Лесли, дали мне в руки копье и обучили военному артикулу столь крепко, что не скоро позабудешь. Бывало, сэр, поставят меня в караул на восемь часов кряду, без перерыва, значит, с полудня до восьми часов вечера; стой у дворца в полном вооружении с ног до головы: панцирь, шлем, наручники, все железное, а на дворе мороз и лед что твой кремень. Это было в наказание за то, что остановился на минуту перемолвиться с квартирной хозяйкой, тогда как барабан звал на перекличку.

– Но, без сомнения, сэр, – сказал лорд Ментейт, – бывала у вас служба и погорячее этой, не все вас держали на морозе?

– Об этом, милорд, не мое дело рассказывать; скажу только, что, кто побывал под Лейпцигом и под Лютценом³⁴, тот

различных журналов, выходивших в XVII в.

³⁴ Под Лейпцигом и под Лютценом происходили сражения во время Тридцати-

видал настоящие битвы. А кому довелось присутствовать при взятии Франкфурта, Шпангейма, Нюрнберга и тому подобных, тот знает толк в осадах, штурмах, подкопах, вылазках и всякой резне.

– Но ваша доблесть, сэр, и опытность, вероятно, доставили вам значительное повышение по службе?

– О, повышения шли туго, милорд, ужасно туго, – отвечал Дальгетти, – однако, когда шотландские мои земляки, отцы войны, предводители тех шотландских полков, которые приводили в трепет Германию, начали валиться и редеть, кто от болезней, кто от ран, тогда и мы, их дети, унаследовали их места. Я, сэр, шесть лет прослужил рядовым в дворянской роте, да еще три года копьеносцем. Алебарды я не согласился носить, считая это несогласным с дворянским званием. После того произвели меня в знаменосцы, что у голландцев означает старшего в отряде, и причислили к королевскому лейб-гвардии полку всадников Черной конницы. Потом повысили в поручики и, наконец-то, в ротмистры; но это уже случилось под начальством непобедимого монарха, оплота протестантской религии, Северного Льва, грозы австрийцев, победоносного Густава.

– Однако, насколько я понял, капитан Дальгетти... ведь этот чин, я полагаю, соответствует тому, что у иностранцев

летней войны (1618–1648). В дальнейшем Дальгетти неоднократно вспоминает различные эпизоды Тридцатилетней войны, во время которой он служил наемником в войсках различных государств, переходя от одной враждующей стороны к другой.

называют ротмистром?..

– Именно, тот самый чин и есть, – отвечал Дальгетти, – ибо ротмистр значит, собственно, ротный командир.

– Так я хотел сказать, – продолжал лорд Ментейт, – что, насколько я понимаю, вы все-таки покинули знамена этого славного принца.

– После его смерти, сэр, только после его кончины, – сказал Дальгетти, – ибо тогда уж я никоим образом не был обязан служить со шведами. На этой службе, милорд, бывают ведь такие случаи, что просто с души воротит всякого честного человека. Например, жалование полагается не бог знает какое, ротмистру идет всего-то около шестидесяти талеров в месяц, однако непобедимый Густав никогда не выдавал более одной трети этой суммы в месяц, да и то в виде ссуды; тогда как, по справедливости, следовало бы считать, что остальные-то две трети великий монарх брал себе взаймы у своих воинов. И я сам бывал свидетелем того, как целые полки голландцев и голштинцев, подобно каким-нибудь кухонным мужикам, бунтовали на поле сражения перед самой битвой и кричали: «Гельт, гельт!», то есть требовали жалованья, вместо того чтобы прямо идти в бой, как шли обыкновенно наши молодцы, благородные шотландские шпаги, которые никогда, милорд, не ставили свою честь в зависимость от денежных выгод.

– И что же, – сказал лорд Ментейт, – это запоздавшее жалование платилось когда-нибудь в определенные сроки?

– Милорд, – ответил Дальгетти, – по совести говоря, ни в какие сроки и никакими способами никогда мы не видавали из них ни одного крейцера. Про себя скажу, что и двадцати талеров своего жалованья я не получил за все время служения непобедимому монарху, разве что случайно иногда перехватишь после штурма или большой победы либо возьмешь, бывало, город или деревню... Ну, тут уж кавалер, знакомый с военными обычаями, конечно, сумеет соблюсти кое-какую выгоду.

– Мне не то кажется удивительным, сэр, – сказал лорд Ментейт, – что вы в конце концов покинули шведов, а, скорее, удивляет меня то, что вы так долго оставались у них на службе.

– Я бы и сам то же думал, – отвечал ротмистр, – да, видите ли, их великий предводитель, полководец и король, Северный Лев, оплот протестантской веры, имел дар так выигрывать сражения, брать города, захватывать страны, собирать контрибуции, что служить с ним было истинным наслаждением для настоящего кавалера, пристрастного к благородной военной профессии. Я сам, вот каким вы меня видите, милорд, командовал целым Дункельшпильским округом на Нижнем Рейне, жил во дворце пфальцграфа, распивал с товарищами отборнейшие вина из его погребов, брал контрибуции, реквизиции, да и себя не забывал, как следует хорошему повару. Но уж правда, что все эти прелести пошли прахом, как только нашего великого полководца прострели-

ли тремя ядрами под Лютценом. Тогда я, видя, что фортуна повернула в другую сторону, что жалование наше по-прежнему идет взаймы начальству, а прежних случайных доходов уж нет, подал в отставку и перешел на службу к Валленштейну³⁵, поступив в ирландский полк под начальством Уолтера Батлера³⁶.

– А позвольте узнать, – сказал лорд Ментейт, очевидно заинтересованный приключениями этого авантюриста. – Как жилось вам с переменой начальства?

– Да нельзя сказать, чтобы хорошо, – отвечал капитан, – и даже плоховато, можно сказать. Их император платил немногим лучше великого Густава. А колотушек-то доставалось нам порядочно. Мне частенько приходилось натывать на шведские перышки, которые, надо вам пояснить, не что иное, как колья, заостренные с обоих концов и обитые железом: их расставляют частоколом впереди отряда, вооруженного пиками, чтобы помешать кавалерии проникнуть в их ряды. Так вот, эти самые шведские перышки хоть и очень красивы на взгляд, потому что похожи на кусты и мелкие деревья на опушке леса, тогда как громадные пики, выстроен-

³⁵ *Валлеништейн* (Вальштейн) Альбрехт (1583–1634) – полководец Тридцатилетней войны, противник протестантских государств и шведского короля Густава Адольфа, главнокомандующий армией Католической лиги. Был убит заговорщиками-офицерами.

³⁶ *Уолтер Батлер* – ирландский наемник и авантюрист, командовавший драгунским полком в армии Католической лиги в годы Тридцатилетней войны. В 1634 г. участвовал в заговоре против Валленштейна.

ные за ними в боевом порядке, представляют собой высокий сосновый бор, однако же на ощупь они не то что гусиные перья, а будут пожестче. Впрочем, невзирая на тяжкие колотушки и на редкое жалованье, еще можно бы кое-как существовать на службе у императора, потому что на частные доходы там не так строго смотрят, как у шведов; и лишь бы офицер исправно делал свое дело на поле сражения, ни Валленштейн, ни Паппенгейм, ни старый Тилли до них никогда бы и не подумали выслушивать жалобы мужиков или мещан против солдат или офицеров, которые стали бы их немножко прижимать насчет поборов. Так что опытный кавалер, умеющий, как говорится у нас в Шотландии, сложить свинью с поросенком, мог бы еще выручить с подданных то жалованье, которого ему не платит император.

– И, конечно, с процентами, сэр, на том основании, что своя рука – владыка, – сказал лорд Ментейт.

– Без всякого сомнения, милорд, – отвечал Дальгетти спокойно, – потому что было бы вдвойне позорно для дворянина, если бы его призвали к ответу из-за каких-нибудь пустяков!

– Скажите, пожалуйста, сэр, – продолжал лорд Ментейт, – что же, собственно, заставило вас отказаться от такой выгодной службы?

– А вот что, сэр, – отвечал воин, – был у нас в полку ирландец, майор О'Киллиган, и я с ним повздорил из-за того, чей народ лучше и достойнее уважения; а на другой день по-

сле того он вздумал передавать мне приказания, держа палку наотлет и концом вперед, а не вниз, как было принято у нас между офицерами одинаковой породы, хотя бы один был и старше другого чином. Из-за этого, сэр, произошел между нами частный поединок; нарядили следствие, и наш оберст, сиречь полковник, Уолтер Батлер, изволил приговорить своего земляка к легкому наказанию, а меня – к тяжелому. Ну, я, видя такое лицепрятие, вышел в отставку и пошел на службу к испанцам.

– Надеюсь, что это была перемена к лучшему? – спросил лорд Ментейт.

– По правде сказать, – ответил ротмистр, – жаловаться было не на что. Даже жалованье нам платили довольно аккуратно, благо деньги-то доставляли богатые фламандцы и валлоны нидерландские. Квартыры отводили нам отличные. Фламандский белый хлеб не в пример вкуснее ржанных шведских лепешек; а рейнского вина давали нам столько, сколько, бывало, и черного ростокского пива не было в лагере у Густава. Служить почти не приходилось; обязанностей было немного, да и те – хочешь исполняй, хочешь нет, как угодно. Прекрасное житье для служаки, несколько утомленного походами и осадами, стяжавшего своей кровью изрядную репутацию и желающего пожить на покое и с некоторыми удобствами.

– А можно ли узнать, капитан, – сказал лорд Ментейт, – почему вы, находясь в столь завидном положении, покинули также и испанскую службу?

– Примите во внимание, милорд, – возразил капитан Дальгетти, – что испанцы – народ в высшей степени высокомерный и воображают о себе так много, что даже не умеют ценить храбрость иных благородных иностранцев, соглашающихся служить в их рядах. А ведь честному солдату обидно, когда из-за каждого надутого сеньора его обходят, обделяют, оттирают в сторону; если же дело дойдет до того, кому первому вскочить на брешь или броситься в атаку, то очень охотно пропускают шотландца вперед. Сверх того, сэр, у меня совесть была неспокойна касательно вопроса о религии.

– Я бы думал, капитан Дальгетти, – сказал молодой граф, – что старый воин, столько раз менявший службу, не станет на этот счет особенно церемониться.

– Да я и не церемонился, милорд, – отвечал капитан, – я всегда считал, что не мое дело заниматься такими вопросами, коли на то есть капеллан, которому ведь больше и делать-то нечего, а жалованье и содержание он все-таки получает. Но тут вышло совсем особое обстоятельство, милорд, так сказать, *casus improvisus*³⁷, а капеллана моего вероисповедания тут не было, так что посоветоваться было не с кем. На меня уж давно косились, что я протестант; но я думал – это потому, что я дельнее и опытнее всех остальных донов, вместе взятых; однако, когда стали мы гарнизоном на месте, оказалось, что требуется и мне вместе с полком ходить к обедне. Между тем, милорд, я природный шотландец,

³⁷ Непредвиденный случай (*лат.*).

воспитывался в маршальской коллегии, в Абердине, должен же я был рассматривать католическую обедню как языческое идолопоклонство, ослепление папизма, и никоим образом не поддерживать этого моим присутствием. Правда, пробовал я на этот счет посоветоваться с одним земляком, отцом Фэтсайдом, из шотландского монастыря в Вюрцбурге...

– И, вероятно, получили довольно ясные указания от преподобного отца? – заметил лорд Ментейт.

– Как нельзя яснее, – отвечал капитан Дальгетти, – принимая в расчет, что мы с ним распили при этом полдюжины рейнвейна да усидели кувшина два киршвассера. Отец Фэтсайд объявил мне, что, по крайнему его разумению, для такого еретика, как я, совершенно все равно, что ходить к обедне, что не ходить, потому что я во всяком случае осужден на вечную погибель, будучи нераскаянным грешником, упорствующим в своей проклятой ереси. Такой ответ обескуражил меня немного, и я пошел посоветоваться к голландскому пастору реформатской церкви, который сказал, что, по его мнению, закон не воспрещает мне ходить к обедне, ибо пророк разрешил Нааману, храбрейшему кавалеру и весьма благородному сирийскому дворянину, входить вместе с его королем во храм Риммона, сиречь языческого бога или идола, которому тот король обещал служить, и даже дозволил склоняться перед ним, когда король опирался на его руку. Но и этот ответ меня не удовлетворил, потому что, во-первых, то был сирийский король, все-таки какой ни на есть по-

мазанник, не чета нашему испанскому полковнику, которого я мог бы разом сдуть с места, как ореховую шелуху; а во-вторых, меня пуще всего смущало то, что ни по каким военным законам не обязан я был ходить к обедне, да и выгоды в том не видал, потому что особой платы за это не полагалось, а между тем могло быть для совести моей вредоносно.

– Так что вы опять переменили службу? – сказал лорд Ментейт.

– Вот именно, милорд, переменил. После этого пытался я на короткое время поступить к двум или трем другим державам; и даже несколько времени состоял на службе у голландских штатов...

– Ну, как же вам понравилось у них? – осведомился опять его собеседник.

– О, милорд! – воскликнул служака с некоторым восторгом. – Насчет жалованья всей Европе надо бы у них поучиться: ни они у тебя не занимают, ни ты у них, ни просрочек, ни проволочек, все начистоту; то есть так верно получаешь с них свои денежки, словно сам их в банк положил. Квартирны тоже у них отличные, и харчи первый сорт. Но зато народ они аккуратный, щепетильный, и никакой мелочи тебе не пропустят даром. Так что, например, пожалуется мужик, что ему голову проломили, или кабатчик заявит, что у него пивной кувшин расшибли, или пугливая девчонка где-нибудь пискнет, а честного воина за это потащат к ответу; да не своим военным судом судят, который, конечно, лучше может его

рассудить, а призовут к бургомистру, простому ремесленнику низкого звания, и начнет он тебе угрожать и тюрьмой, и веревкой, и всякой такой дрянью, словно ты не воин, а такой же поганый земноводный, толстопузый мужик, как и он сам. Так я и не мог ужиться с этими неблагодарными плебейками: вот ведь, сами не умеют защищаться, силенки не хватает; а когда за это дело берется благородный иностранец, храбрый кавалер, они ему за это только жалованье платят и никакой воли не дают, а этого ни одна честная душа не вытерпит. Разве можно сравнить одно жалованье с привольным житьем да почетным обращением?.. Ну и порешил я с этими мингерами³⁸ распроститься. А тут прослышал я, к превеликому моему удовольствию, что нынче летом затевается что-то для меня подходящее здесь, на любезной моей родине. Вот я и явился сюда, по пословице, точно нищий на свадьбу, с тем чтобы предложить свою боевую опытность, приобретенную в чужих краях, к услугам дорогих моих соотечественников. Итак, значит, теперь вся моя история известна вашему сиятельству, за исключением того лишь, как я себя вел в различных делах, в ратном поле, при осадах, штурмах и атаках; но это долго да и скучно рассказывать; и притом было бы приличнее говорить об этом кому другому, а не мне самому.

³⁸ *Мингер* (гол. *mijheer*) – господин, сударь, обращение без дворянского титула. Мингерами Дальгетти называет голландцев.

Глава III

*Пусть о правах заботятся в палатах,
Мое же дело – драться без затей;
И я скажу, с наемниками в латах,
Что правы там, где платят пощедрей.*

Донн³⁹

Между тем неровная тропинка становилась все уже, путники не могли более ехать рядом, разговор их пресекался, и лорд Ментейт, придержав на минуту коня, вступил вполголоса в переговоры со своими слугами. Капитан, очутившийся впереди всех, медленно поехал дальше и, поднявшись около четверти мили по каменистому и крутому скату, выехал на дно горной долины, по которой в глубоком русле протекал стремительный поток, а берега его, одетые зеленым дерном, были настолько широки, что наши путешественники снова получили возможность ехать рядом.

Лорд Ментейт тотчас возобновил беседу, прерванную неудобствами дороги.

– Мне думается, – сказал он, обращаясь к капитану Дальгетти, – что воин вашего почтенного закала, столь долго и с честью служивший доблестному шведскому королю, оду-

³⁹ Донн Джон (1573–1631) – английский поэт, сатирик и богослов.

шевляемый притом понятным презрением к низким ремесленникам голландских штатов, должен бы не задумываясь объявить себя сторонником короля Карла, а не тех худородных круглоголовых ханжей, которые бунтуют против него?

– Вы рассуждаете правильно, милорд, – сказал Дальгетти, – и я, при равенстве остальных условий, смотрел бы на дело в этом самом смысле. Однако существует такая южная поговорка, милорд, что одними словами репу не намаслишь. С тех пор как я приехал на родину, я довольно уж слышался всякой всячины, чтобы понять, что честный человек волен пристать к любой из партий, замешанных в эту усобицу, а выбирать должен ту, которая ему больше приглянется. Вот вы, милорд, изволите говорить: «Верность престолу», а с той стороны кричат: «Свобода!» «За короля!» – орут одни. «За парламент!» – режут другие. «Да здравствует Монтроз!» – возглашает Дональд, взмахивая шапкой. «Многая лета Аргайлу и Ливену!» – надсаживается южанин Сандерс, потрясая шляпой с пером. «Стой грудью за епископов!» – говорит священник в стихаре. «Бейся за кирху!» – кричит пастор в женевских скуфье и шарфе. Хорошие слова, что и говорить! Слова отличные. А вот которое дело правее – не знаю. Только то и знаю, что случилось мне на своем веку драться по колена в крови за такие дела, которые были вдесятеро хуже худшего из них.

– Ну, капитан Дальгетти, – сказал лорд Ментейт, – раз, по-вашему, обе партии равны, угодно вам будет сказать нам,

по крайней мере, чем вы намерены руководствоваться при окончательном выборе?

— А двумя соображениями, милорд, — отвечал воин, — во-первых, которая из сторон учтивее попросит моих услуг, а во-вторых — это уж будет венцом первого условия, — которая из партий в состоянии щедрее отблагодарить меня за службу. Откровенно говоря, милорд, в настоящее время я по обоим пунктам склоняюсь на сторону парламента.

— Потрудитесь объяснить причины, — сказал лорд Мен-тейт, — и посмотрим, не могу ли я противопоставить им другие, более веские.

— Сэр, я не прочь обсудить этот вопрос, — сказал капитан Дальгетти, — лишь бы вы не теряли из виду моей чести и выгоды. Вот, например, в настоящее время здесь, в горах, собрались или собираются целые толпы хайлендеров, сторонников короля. Вам, сэр, известно ведь, что это за народ. Я не спорю, они телом крепки и духом бодры, и храбрости у них довольно, когда начнут драться; но дерутся они не людски, у них такие же понятия о военной дисциплине, какие были у древних скифов или у теперешних дикарей, американских индейцев. Они не ведают ни немецкого свистка, ни барабана, чтобы подавать сигналы: не бьют ни марш, ни тревогу, ни атаку, ни отступление, ни утреннюю зорю, ни вечернюю; только и знают свои проклятые скрипучие дудки, и хотя сами-то уверяют, будто понимают, что они там пищат, но для кавалера, привыкшего воевать в цивилизованной Ев-

ропе, это нечто совершенно непонятное. Так что, возьмись я дисциплинировать отряд таких голоштанников, ведь они не поймут, что я им буду говорить; а если и поймут, сами посудите, милорд, станут ли меня слушаться эти полудикие молодцы, привыкшие слушаться своих собственных лэрдов и вождей и вовсе не приученные беспрекословно повиноваться офицеру. Если я буду, например, учить их строиться посредством извлечения квадратного корня, то есть образовать каре во столько рядов, по сколько человек в каждом ряду, что может из этого выйти? Я им преподам драгоценную тайну военной тактики, а они мне за это всадят ножик в живот, потому что какой-нибудь Мак-Алистер Мор, Мак-Шимей или Кэпперфе окажется на фланге либо в тылу, тогда как он считал себя вправе стоять впереди... Нет уж, правда говорится в Священном Писании: «Не мечите бисера перед свиньями, не то обратятся против вас, и вас же растерзают».

– Я полагаю, Эндерсон, – сказал лорд Ментейт, оборачиваясь назад к одному из слуг, ехавших за ним следом, – я полагаю, вы можете засвидетельствовать перед этим джентльменом, что мы очень нуждаемся в опытных офицерах и гораздо более расположены воспользоваться их воинской наукой, нежели он, по-видимому, ожидает.

– С дозволения вашей милости, – сказал Эндерсон, почтительно приподняв шапку, – когда подоспеет ирландская пехота, которую мы ждем, да и пора бы ей высадиться у западных гор, нам понадобятся знающие офицеры, чтобы хо-

рошенько вымуштровать новобранцев.

– Вот это мне нравится, очень нравится, – сказал Дальгетти, – приятное было бы дело. Ирландцы – славные ребята, как есть молодцы. В ратном поле это лучший народ. Помню я, один раз, когда мы брали Франкфурт-на-Одере, я сам видел, как себя держала одна ирландская бригада: до тех пор они работали палашами и пиками, покуда не отбили сине-желтых шведов; а шведские бригады были тут из самых стойких и считались не хуже тех, что дрались под командой бессмертного Густава. И хотя бравый Хепберн, храбрый Лэмсдейл, бесстрашный Монро и другие кавалеры, да и я в том числе, ворвались с пиками в руках в город, но, если бы всем нам пришлось встретить такое же сопротивление, мы бы так и ушли с пустыми руками и без всякого удовольствия. Правда, по общепринятому обыкновению, мы тогда перерезали этих славных ирландцев всех до единого; а все-таки они заслуживали величайших похвал и стяжали неувядаемую славу... Вот потому я с тех пор так и люблю эту братию и почитаю их первейшим народом после шотландцев.

– Я думаю, – сказал Ментейт, – что почти могу вам обещать командование ирландцами, если вы надумаете пристать к партии короля.

– Да, – молвил капитан Дальгетти, – а второе-то, самое затруднительное условие так и остается под сомнением. Хоть я и считаю низким и непристойным для солдата, когда у него на языке только и есть что жалованье, как у тех подлецов,

немецких ландскнехтов, о которых я вам рассказывал, и хотя я готов с мечом в руке доказать, что честь военная дороже жалованья, привольного житья и всяких добавочных доходов, однако, *ex contrario*⁴⁰, солдатское жалованье – вознаграждение за службу, и всякому разумному кавалеру надлежит заранее сообразить, какая будет ему плата за труды и из каких источников она будет браться. А разве неправда, милорд, по всему, что я здесь слышал и видел, что деньги-то водятся только у парламентских толстосумов? Хайлендеров, конечно, легко удовлетворить, стоит только разрешить им воровать скот. Ирландцам ваше сиятельство и прочие господа могут, согласно военным обычаям, платить так редко и так мало, как вам заблагорассудится. Но таким образом нельзя же поступать с благородным кавалером, как я например, который должен держать своих лошадей, прислугу, оружие, амуницию и не может, да и не желает идти на войну на свой собственный счет.

Эндерсон, тот слуга, который только что выражал свое мнение, и теперь почтительно обратился к графу.

– Я думаю, милорд, – сказал он, – что, если вы позволите, я бы мог сказать нечто в опровержение второго условия капитана Дальгетти. Он желает знать, откуда мы возьмем свое жалованье; по моему рассуждению, и для нас открыты те же источники, из которых черпают ковенантеры. Они устанавливают налоги по своему усмотрению и грабят имущество

⁴⁰ С другой стороны (*лат.*).

друзей короля. А когда мы перейдем на равнину, да за нами наши хайлендеры, наши ирландцы, и мы сами с мечом в руках, небось там найдется немало разжиревших изменников, владеющих незаконно нажитым добром; вот этим-то добром мы пополним нашу военную кассу, да и воинов наградим. Кроме того, то и дело пойдут конфискации поместьев; и король, раздавая земельные участки всем храбрым кавалерам, которые пойдут под его знаменем, тем самым и их наградит, да и накажет своих врагов. Словом, кто пойдет служить круглоголовым псам, может быть, и получит кое-какое жалованье, а кто присоединится к нашей партии, тот имеет шансы получить рыцарское, баронское, даже графское достоинство, коли выдастся счастье.

– А вы когда-нибудь служили, любезный друг? – спросил его капитан.

– Немного, сэр, только во время домашних наших междоусобиц, – скромно ответил тот.

– А в Германии не бывали на службе, или хоть в Нидерландах? – спросил Дальгетти.

– Никогда не имел чести, – отвечал Эндерсон.

– Могу сказать, – обратился Дальгетти к Ментейту, – что у вашего слуги много природного смысла и о военных предметах он имеет довольно точное понятие, рассуждает, впрочем, не совсем правильно, ибо похоже на то, что продает шкуру с медведя, прежде чем вышел на охоту. Однако я все это при-
му к сведению.

– Да, капитан, обдумайте хорошенько, – сказал лорд Мен-тейт, – целый вечер вам остается на размышления, потому что мы уж почти приехали к дому, где я надеюсь вам обеспечить ласковый прием.

– Вот это будет очень кстати, – сказал капитан, – потому что я с самого рассвета ничего не ел, кроме одной овсяной лепешки, да и той половину скормил своему коню. На третью петлю уж затянул на себе пояс – так отощал. Боялся даже, как бы тяжелые железные доспехи совсем с меня не свалились.

Глава IV

*Когда-то, и не так давно,
В какое время – все равно,
В лощине темной и глухой
Собрались витязи толпой.
На них широкие плащи,
Щиты, кинжалы и мечи,
И все, как следует по моде,
У горцев принятой в народе.*

*Местон*⁴¹

Перед путниками возвышался холм, покрытый старым еловым лесом; верхние, редкие ветви деревьев, распростертые на фоне западного горизонта, алели в лучах заката. Среди леса возвышались башни и трубы не то дома, не то замка, бывшего целью их странствия.

По тогдашнему обычаю главный корпус жилья состоял из двух узких зданий с высокими, заостренными крышами, которые перекрещивались между собой под прямым углом. Одна или две высокие вышки над крышей да башенки по всем углам, более похожие на перечницы, доставили этому дому горделивое название замка Дарнлинварах. Он был окружен двором, обнесенным невысокой каменной сте-

⁴¹ *Местон* Уильям (1688–1745) – шотландский поэт-сатирик.

ной, вдоль которой с внутренней стороны тянулись обычные службы.

По мере приближения к замку путешественники замечали следы недавних прибавлений к его обороне, вызванных, вероятно, смутами последнего времени. В различных частях дома, а также и окружавшей его ограды пробиты были ружейные бойницы, а окна тщательно защищены железными полосами, укрепленными и вдоль и поперек, подобно тюремным решеткам. Ворота во двор были заперты, и лишь после некоторого обмена осторожными вопросами и ответами один из притворов распахнулся и за воротами показалась пара сторожей, крепких хайлендеров, в полном вооружении, которые, подобно классическим стражам в «Энеиде», казались готовыми преградить вход, чуть только путники показались бы им подозрительными.

Войдя во двор, наши путешественники увидели новые приготовления к защите. Вокруг стен выстроены были подмости для огнестрельных орудий, и одна или две пушки мелкого калибра, называемые фальконетами, были подняты на углах, у подножия башенок.

Из дома в ту же минуту выскочили несколько слуг, частью в одежде хайлендеров, частью в английском платье; одни бросились принять лошадей, как только гости спешили, остальные выстроились у входа в дом, чтобы проводить приезжих во внутренние покои. Но капитан Дальгетти отказался от услуг конюха, хотевшего взять на себя уход за его конем.

– Я привык всегда сам отводить в конюшню моего Густава, друзья мои, а назвал я его в честь непобедимого монарха, моего прежнего начальника; мы с моим конем старинные приятели и товарищи, и так как я часто нуждаюсь в услугах его ног, то, со своей стороны, пускаю в ход мой язык, чтобы добыть для него все, что требуется. – С этими словами капитан без церемонии вошел в конюшню вслед за своей лошадью.

Ни лорд Ментейт, ни его спутники не были так внимательны к своим коням и, поручив их заботам местной прислуги, пошли в дом, где в обширных темных сенях со сводами, в числе прочей разнородной утвари, стояла бочка с пивом и около нее два или три деревянных ковша или чары, нарочно с тем и поставленных, чтобы желающие могли утолять свою жажду. Лорд Ментейт вынул бутылку, нацедил себе пива, напился и передал чару Эндерсону, который также последовал его примеру, но наперед выплеснул оставшиеся на дне капли и слегка сполоснул деревянную посудину.

– Вот черт! – молвил один старый хайлендер, давнишний слуга здешнего семейства. – Что ж ты не можешь пить после своего барина, а непременно тебе нужно мыть посуду и понапрасну тратить добро, провал бы тебя взял!

– Я воспитан во Франции, – отвечал Эндерсон, – а там ни один человек не станет пить после другого, разве только после молоденькой девушки.

– Вишь какая беззгливость у чертей! – продолжал старый

Дональд. — Коли пиво хорошее, что ж тебе за дело, если в том же ковше побывала чужая борода?

Товарищ Эндерсона выпил, не соблюдая той церемонии, которая так возмутила Дональда, и оба последовали за своим хозяином в длинный зал с низкими каменными сводами, где обыкновенно держалась семья помещика. В дальнем конце зала в громадном камине разведен был огонь: топили торфом и света было немного, но огонь был необходим, потому что даже и среди лета тут было слишком сыро. Два-три десятка щитов, столько же палашей и кинжалов, пледы, кремневые ружья, мушкеты, луки, арбалеты, секиры, серебряные латы, стальные шлемы и шишаки, старинные кольчуги, то есть рубашки из металлических петель, с соответственным башлыком и рукавами, — все это в беспорядке висело по стенам и могло бы доставить на целый месяц приятное занятие какому-нибудь члену современного нам антикварного общества. Но тогдашние люди так пригляделись к подобным предметам, что даже не замечали их.

Посреди зала стоял огромный, неуклюжий дубовый стол, на который старый слуга, упомянутый выше, поспешил расставить кое-какое угощение, состоявшее из молока, масла, козьего сыру, фляжку с пивом и бутылки с шафранной настойкой, предназначенные, собственно, для лорда Ментейта. В то же время другой слуга, низшего звания, делал то же самое на нижнем конце стола для слуг приезжего гостя. По тогдашним понятиям расстояние, отделявшее слуг от господ

за общим столом, было достаточным разграничением степени их важности, даже и в том случае, если барин был титулованный, как теперь. Пока приготавливали яства, гости стояли у огня: молодой лорд у самого камина, а слуги поодаль.

– Эндерсон, какого ты мнения о нашем дорожном товарище? – спросил Ментейт.

– Парень здоровый, – отвечал Эндерсон. – Хорошо, кабы и в остальном был так же исправен. Будь у нас штук двадцать таких молодцов, они бы привели в порядок наших ирландских гусей.

– Ну, я другого мнения, – сказал Ментейт. – Мне кажется, этот Дальгетти – одна из тех пиявок, привыкших сосать кровь на чужой стороне и до того втянувшихся в это занятие, что и у себя на родине готов делать то же самое. Эти наемные витязи составляют наш позор! Они во всей Европе прославили имя шотландцев как нечто такое алчное, продажное, не имеющее ни стыда, ни чести, что только и гонится за своим месячным жалованьем, то и дело перебегает от одного знамени к другому и готов продавать свою преданность кому угодно, лишь бы подороже заплатили. Их-то страсти к грабежу и наживе мы и обязаны теми междоусобиями, которые восстановили теперь брата на брата. У меня едва хватило терпения выслушать этого наемного гладиатора, хотя, с другой стороны, я чуть не лопнул со смеху над его бесстыдством.

– Ваше сиятельство, извините меня, – сказал Эндерсон, –

если осмелюсь рекомендовать при настоящих обстоятельствах быть посдержаннее и не слишком обнаруживать ваше благородное негодование. К несчастью, мы не можем обойтись без помощи людей, которые будут действовать на основании побуждений гораздо более низких, чем наши собственные. Без таких молодцов, как этот солдат, мы ничего не сделаем. Говоря условным языком парламентских ханжей, можно сказать, что иначе «сыны Зеруи одолеют нас».

– Значит, опять надо притворяться, – сказал граф Ментейт. – Постараюсь так же, как до сих пор старался, следуя твоим советам. Но в душе очень бы желал этому молодцу провалиться сквозь землю.

– Мало ли что! Вы должны помнить, милорд, – продолжал Эндерсон, – что, когда укусит скорпион, рану ничем иным не залечишь, как если раздавишь на ней другого скорпиона... Но тише, нас могут подслушать.

Через боковую дверь в зал вошел хайлендер громадного роста, в полном вооружении; орлиное перо на шапке и спокойная величавость манер изобличали в нем человека знатного рода. Он медленно подошел к столу и ни слова не ответил на приветствие лорда Ментейта, который назвал его Алленом и спросил о здоровье.

– Вы лучше не говорите с ним теперь, – шепнул ему старый слуга.

Рослый хайлендер сел на пустую скамью у огня и, вперив глаза на рдеющий пепел и на крупные куски торфа в камине,

казался погруженным в глубокую задумчивость. Его темные глаза, резкие черты и выражение сосредоточенного восторга на лице показывали, что предметы его мыслей производят на него глубочайшее впечатление, а окружающего он совсем не видит. Суровая строгость его взгляда, происходившая, быть может, от привычки к уединенной и аскетической жизни, в жителе равнины была бы, вероятно, приписана религиозному фанатизму; душевное расстройство этого рода в то время было не редкостью и в Англии, и в низинах Шотландии; но хайлендеры того времени были чужды подобному недугу. Зато у них были свои собственные суеверия и фантазии, которые окутывали их умы такими же непроницаемыми потемками, какими пуританство наделяло их соседей.

– Ваше сиятельство, – прошептал чуть слышно старый слуга, бочком подкравшись к лорду Ментейту, – не извольте теперь разговаривать с Алленом, он теперь находится в помрачении.

Лорд Ментейт кивнул и перестал обращать внимание на задумчивого горца.

– Я говорил, – молвил вдруг этот горец, внезапно выпрямившись и взглядывая на старого слугу, – я говорил, что приедут четверо; отчего же только троих вижу здесь?

– Да, ты так говорил, Аллен, – сказал старый хайлендер, – а вон и четвертый идет из конюшни. Слышишь, как на дворе позвякивают его доспехи? Он весь окован железом, как рыба в чешуе: и грудь, и спина, и бока, и ноги у него в латах. Как

скажешь, где ему поставить стул: возле Ментейта или пониже, вон с теми честными джентльменами?

Лорд Ментейт сам ответил на этот вопрос, знаком указав слуге место подле себя.

— Ну, вот он и пришел, — сказал Дональд, видя входящего в залу капитана Дальгетти. — Надеюсь, господа, что вы пока закусите хоть хлебом и сыром, как говорится, покуда приготовят кушанья посытнее. Вот уж из гор воротится наш хозяин, и охотники, что ушли с южанами, принесут диких коз и прочей дичины, тогда Дугалд-повар и будет стряпать.

Между тем вошедший капитан Дальгетти подошел прямо к стулу, стоявшему возле лорда Ментейта, и, сложив руки на спинке стула, остановился в этой позе. Эндерсон и его товарищ тоже стояли у нижней части стола, почтительно ожидая позволения сесть, а три или четыре хайлендера, под начальством старого Дональда, бегали взад и вперед, принося на стол все нужное, или же прислуживали гостям.

Пока готовили закуски, Аллен вдруг вскочил, выхватил из рук слуги лампу, поднес ее к самому лицу Дальгетти и начал пристально и серьезно его рассматривать.

— Клянусь честью, — сказал Дальгетти недовольным тоном, когда Аллен, таинственно покачав головой, отошел от него, — в другой раз, коли встретимся с этим парнем, уж наверное, узнаем друг друга!

Аллен между тем подошел к нижнему концу стола, точно так же, с помощью лампы, внимательно посмотрел в ли-

цо Эндерсону и его товарищу, с минуту постоял в глубоком раздумье, потом провел рукой по лбу и вдруг, неожиданно схватив Эндерсона за руку, не то повел, не то потащил его к пустому стулу на верхнем конце комнаты, молча сделал ему знак сесть тут и с той же стремительной поспешностью без церемонии увлек Дальгетти на противоположный конец.

Капитан, в великой досаде на подобную вольность, попытался освободиться, изо всей силы встряхнув Аллена; но как он ни был силен, ему не удалось сладить с горцем. Завязалась борьба, и гигант толкнул его с такой силой, что капитан отлетел на несколько шагов и там упал во весь рост, гремя своими доспехами на всю залу. Вскочив на ноги, он первым делом выхватил меч и бросился к Аллену, который стоял скрестив руки и с презрительным равнодушием ожидал нападения. Лорд Ментейт и его слуги вступили в дело, стараясь успокоить их, а слуги-хайлендеры тем временем схватили со стен кое-какое оружие и приготовились принять участие в свалке.

– Ведь он сумасшедший, – шепнул капитану лорд Ментейт, – он совсем безумный, что вам за охота с ним связываться?

– Если ваше сиятельство мне порукой, что он не в своем уме, – сказал Дальгетти, – что довольно заметно по его поведению и манерам, то на этом мы и покончим, ибо безумный ни обидеть не может, ни дать удовлетворения в нанесенной обиде. Но, клянусь душой, успею я пропустить внутрь кое-

какую еду да бутылку рейнвейна, я бы еще померился с ним. А жалко, что он такой слабоумный, потому что из себя он молодец и отлично бы мог владеть пикой, моргенштерном⁴² или каким угодно оружием.

Таким образом мир был восстановлен, и гости уселись за стол в том порядке, как прежде затеяли; Аллен же подсел снова к огню и, опять глубоко задумавшись, не вмешивался в дело. Лорд Ментейт, желая поскорее загладить впечатление неприятного случая, обратился с расспросами к старому слуге:

– Стало быть, лэрд отправился в горы, Дональд, и с ним, как слышно, какие-то англичане?

– В горы и отправился, не во гнев вашей милости, и два саксонских кавалера с ним, это точно: один будет сэр Майлс Месгрейв, а другой сэр Кристофер Холл, оба из Камрайка... так, кажется, они зовут свой округ.

– Холл и Месгрейв? – подхватил лорд Ментейт, взглянув на своих спутников. – Те самые, которых нам так хотелось видеть!

– А я, – сказал Дональд, – был бы рад-радешенек, кабы

⁴² Так назывался род палки или дубины, употреблявшейся в начале XVII в. при защите брешей и стен. Когда при осаде Тральзунда немцы оскорбили шотландцев, уверяя, что, по слухам, из Дании для них нарочно пришел корабль, нагруженный табаком и трубками, один из наших солдат, рассказывает полковник Роберт Монро, показал им из-за стены моргенштерн, сиречь толстую палку, окovanную железом, подобно алебарде, с наконечником в виде шарика, утыканного железными шипами, и сказал: «Вот такими трубками мы будем вышибать у вас мозги, когда вздумаете нас штурмовать!» – *Примеч. авт.*

никогда их не видал; вот придут да и съедят нас живьем, со всеми пожитками.

– Что с тобой, Дональд, – сказал лорд Ментейт, – ты прежде никогда не был так скуп на мясо и пиво. А они, хоть и южане, конечно, не съедят всего скота, что пасется на здешних лугах.

– Я об этом не тужу! – сказал Дональд. – Кабы только это, никакой беды бы не было, потому что народ у нас надежный, все честные горцы, и никогда не допустят нас голодать, покуда хоть одна рогатая скотина останется между нами и Пертом. Но у нас тут затеялось дело похуже – об заклад побились!

– Об заклад! – повторил лорд Ментейт с некоторым удивлением.

– Вот то-то и есть, – продолжал Дональд, так же пламенно желавший рассказать свои новости, как Ментейт желал послушать их. – Так как ваше сиятельство и друг и родня нашим господам и все равно сейчас про это услышите, лучше уж я сам вам все расскажу. Так вот, доложу вам: ездил наш лэрд в Англию, где он бывает гораздо чаще, чем бы следовало, по мнению его друзей, и там он гостил в доме этого самого сэра Майлса Месгрейва, а у него на столе стояли шесть подсвечников, да таких, что вдвое больше тех, что стоят у нас в Дембленской кирхе; да, кроме того, они не медные, не железные, не оловянные, а все из чистого серебра... Эх, уж эти мне гордецы англичане! Сколько у них всякого добра,

а что с ним делать – не знают! И стали они дразнить нашего лэрда, что никогда он ничего такого не видывал на своей бедной родине, а лэрду нельзя же было молча слушать, как они унижают его родной край, и он, как добрый шотландец, поклялся, что у него в замке еще больше подсвечников и еще лучше этих и что таких, как у него дома, не видано во всем Камберленде... Да, их сторона называется Камберленд.

– Ну что ж, это он хорошо сказал, он любит свою родину, – заметил лорд Ментейт.

– Так-то так, – сказал Дональд, – да лучше бы он на этот раз придержал свой язык, потому что, чуть только при этих саксонцах скажешь что-нибудь необыкновенное, они тебе сейчас бьются об заклад, да так-то скоро прихлопнут, что твой кузнец по наковальне. Так и нашему лэрду пришлось либо взять назад свои слова, либо прозакладывать две сотни мерков⁴³. Ну, он и принял заклад, чтобы не осрамиться перед этим народом. А теперь, значит, придется платить проигрыш. Оттого, должно быть, так и тошно ему было воротиться домой.

– Да, правда, – сказал лорд Ментейт, – судя по тому, что мне известно о вашем фамильном серебре, Дональд, твой барин, наверное, проиграл заклад.

– Уж это верно. А где он возьмет деньги – ума не приложу, хоть и знаю, что он в двадцати местах занимал. Я ему советовал засадить обоих саксонских джентльменов, вместе

⁴³ Мерк – старинная шотландская монета, равная 13 шиллингам 4 пенсам.

с их прислугой, в подземелье, в башню, и там держать до тех пор, покуда сами не откажутся от заклада, да лэрд и слушать не хочет.

Тут Аллен вскочил, крупными шагами подошел к старому слуге и громовым голосом сказал ему:

– А как ты смел подать моему брату такой подлый совет? И как ты осмеливаешься говорить, что он проиграет тот или другой заклад, раз ему угодно держать его?

– Правда, правда, Аллен Мак-Олей, – отвечал старик, – сыну моего отца не подобает осуждать того, что угодно сказать сыну вашего отца, и лэрд еще в самом деле, может быть, выиграет. А только я одно знаю, что во всем доме у нас не найдется ни одного подсвечника, кроме тех старых железных веток, что торчат на стенах со времен лэрда Кеннета, да еще тех оловянных стерженьков, которые ваш отец заказывал старому меднику, Уилли Уинки; а что до серебра, так сам черт не найдет нигде ни единой унции, кроме той старой чашки вашей покойной матушки, что давно без крышки, да и одной ножки у нее не хватает.

– Молчи, старик, – сказал Аллен яростно, – а вы, джентльмены, если кончили трапезу, прошу очистить зал! Я должен все здесь приготовить к приему английских гостей.

– Уходите! – шепнул Дональд, дергая за рукав лорда Ментейта. – На него такой час нашел, – сказал он, взглянув в сторону Аллена, – что теперь нельзя ему противоречить.

Они вышли из зала. Дональд повел лорда Ментейта и ка-

питана в одну сторону, а обоих слуг другой хайлендер повел в другую. Едва Ментейт успел войти в комнату, нечто вроде гостиной, как туда же вошли хозяин дома, лорд Ангус Мак-Олей, и его гости англичане. Встреча была самая радостная, так как лорд Ментейт был хорошо знаком с английскими джентльменами; потом он представил капитана Дальгетти, и его также лэрд принял очень ласково. Но после первых минут всеобщего возбуждения и гостеприимных приветствий лорд Ментейт мог заметить, что чело домохозяина омрачено печальной заботой.

– Вы, вероятно, уже слышали, – сказал сэр Кристофер Холл, – что в Камберленде наше предприятие лопнуло. Милиция не захотела двинуться в Шотландию, эти чуткие ковенантеры успели запугать наших сторонников в южных графствах. А мы с Месгрейвом догадались, что здесь начинают пошевеливаться, и, чтобы не сидеть дома сложа руки, явились сюда в надежде совершить кампанию в сообществе ваших килтов и пледов.

– Надеюсь, что вы захватили с собой оружие, людей и деньги тоже? – сказал с улыбкой лорд Ментейт.

– Да, с нами дюжины две конных слуг, которых мы оставили в последней пограничной деревушке, – сказал Месгрейв, – да и то с каким трудом удалось нам дотащить их туда!

– Что до денег, – сказал его товарищ, – некоторую сумму мы думаем получить здесь, у нашего друга и любезного хо-

зяина!

Мак-Олей сильно покраснел, взял Ментейта под руку и, отведя его немного в сторону, сказал, что, к величайшему своему сожалению, сделал ужасную глупость.

– Да, я уже слышал... от Дональда, – сказал лорд Ментейт, с трудом сдерживая улыбку.

– Черт его дери, этого старика! – сказал Мак-Олей. – Все на свете готов разболтать, хотя бы это человеку жизни стоило! Но ведь даже и для вас это не шутка, милорд, потому что я именно на вас рассчитываю, надеюсь, что вы, как близкий родственник и братски расположенный ко мне человек, поможете мне расплатиться с этими господами. Иначе, признаюсь вам, мне и думать нечего отправляться с вами в поход. Клянусь вам, что, если не найду другого исхода, я присоединюсь к ковенантерам, лишь бы достать денег и разделаться с англичанами. Мне и в лучшем-то случае будет довольно скверно, потому что я должен терпеть убыток, да меня же за это и презирать будут.

– Вы можете себе представить, кузен, – сказал лорд Ментейт, – я и сам теперь не в блестящих обстоятельствах, но поверьте, что я сделаю все возможное, чтобы вам помочь, как того требует наше родство, соседство и старинная дружба.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – несколько раз повторил Мак-Олей. – Но так как и они намерены тратить деньги на пользу королевской службы, не все ли равно, кто будет платить? Все мы одному лицу служим, надеюсь?.. Но вот что,

помогите мне выдумать какую-нибудь отговорку, чтобы выпутаться как-нибудь сегодня, не то придется ведь взяться за шпагу, потому что не могу же я вытерпеть, коли меня за моим собственным столом будут трактовать как лгунишку или хвастуна, тогда как Бог видит, что я хотел только поддержать честь своей фамилии, своей отчизны...

В эту минуту вошел Дональд, и выражение его лица было гораздо веселее, чем можно было ожидать, принимая в расчет предстоявшие его хозяину неприятности по части кармана и репутации.

– Джентльмены, кушать подано, да и свечи зажжены! – сказал Дональд, значительным голосом подчеркивая последние слова.

– Кой черт, что он под этим разумеет? – сказал Месгрейв, переглянувшись со своим земляком.

Лорд Ментейт глазами задал тот же вопрос хозяину дома, на что Мак-Олей ответил только недоумевающим движением головы.

В дверях произошла маленькая задержка из-за того, кому идти вперед. Лорд Ментейт решительно отказался от этой чести, которая ему подобала по старшинству титула, ссылаясь на то, что он у себя на родине, да и с хозяином состоит в близком родстве. Поэтому оба английских гостя прошли в зал первыми, и глазам их представилась самая неожиданная картина. Громадный дубовый стол был уставлен солидными мясными кушаньями, и вокруг него по порядку при-

готовлены были стулья для гостей. За каждым стулом стояло по хайлендеру огромного роста в полном национальном костюме и вооружении: в правой руке у них были обнаженные мечи, концом вниз, а в левой они держали пылающие факелы из можжевелевого дерева. Это дерево, в большом количестве растущее в болотистых местах Шотландии, так смолисто, что, расщепленное на лучины и высушенное, у хайлендеров часто употребляется вместо свечей. Эта неожиданная и довольно поразительная картина освещалась красным пламенем факелов, при котором особенно рельефно выделялись дикие лица, странные одежды и сверкающее оружие горцев, между тем как дым, стлавшийся под потолком, образовывал над ними облачный балдахин. Гости не успели опомниться от изумления, как Аллен выступил перед ними и, указывая своим палахом на державших факелы, сказал суровым и низким голосом:

– Смотрите, джентльмены и кавалеры, какие подсвечники водятся в доме моего брата, по древнему обычаю нашего древнего рода! Ни один из этих людей не признает никакого закона, кроме воли и приказания своего вождя... Дерзните ли вы приравнять их к богатейшим металлам, когда-либо извлеченным из рудников? Что скажете, джентльмены? Выиграли вы заклад или проиграли?

– Програли, проиграли! – весело воскликнул Месгрейв. – Мои серебряные подсвечники уж расплавлены и едут теперь верхом, и очень бы я желал, чтобы мои ново-

бранцы были хоть вполовину так благонадежны, как эти... Извольте, сэр, – прибавил он, обращаясь к домохозяину, – вот ваши деньги. В настоящую минуту для нас с Холлом оно немножко накладно, но что ж делать: долг чести прежде всего...

– Проклятие моего отца на голову его сына, – прервал его Аллен, – если он примет от вас хоть одно пенни! Довольно и того, коли вы отказываетесь от своего права требовать с него долг.

Лорд Ментейт с жаром поддержал мнение Аллена, и старший Мак-Олей тотчас присоединился к ним, говоря, что вся затея была сущим вздором и не стоит больше об этом говорить. Англичане попробовали из любезности поспорить, но наконец согласились, что все это было одной только шуткой.

– Ну что же, Аллен, – сказал лэрд своему брату, – теперь ты мог бы и убрать свои подсвечники. Раз наши гости, саксонские джентльмены, видели их, нам удобнее будет обедать при свете наших старых оловянных шандалов, от которых, по крайней мере, нет такого дыма.

По знаку Аллена живые светильники подняли свои мечи вверх и, повернувшись, вышли из зала, предоставляя гостям приниматься за кушанья⁴⁴.

⁴⁴ Точно такое пари держал некто Мак-Дональд из Кэнноха и выпутался из него именно тем способом, который здесь рассказан. – *Примеч. авт.*

Глава V

*...И стал он так свиреп и смел,
Что сам отец его робел,
Дивясь на столь жестокий нрав
И странности его забав.
А он в том время провождал,
Что диких тварей умирлял,
И достигал того, что льва
Пред ним склонялась голова;
И леопарда грозный вой
Смирлял он, пригрозив рукой...*

Спенсер

Невзирая на эпикурейство англичан, которое у шотландцев того времени вошло в пословицу, английские гости за обедом едва прикоснулись к яствам по сравнению с необычайной прожорливостью капитана Дальгетти, хотя этот храбрый воин имел случай и раньше проявить замечательную усидчивость и постоянство при поглощении более легкой закуски, предложенной им по приезде в дом, чтобы заморить червячка. Во все время обеда он не проронил ни одного слова, и только тогда, когда почти все кушанья убрали со стола, он обратился к обществу, смотревшему на него с некоторым изумлением, и пояснил причину, почему он так поспешно и все-таки так долго наедался.

Он сообщил присутствующим, что к поспешности в этом деле приучили его в маршалской коллегии в Абердине, где надо было держать ухо востро и работать челюстями вроде как кастаньетами, иначе ничего не успеешь схватить.

— А что до обилия принятой мною пищи, — продолжал капитан, — то да будет известно всей честной компании, что первейшая обязанность командующего крепостью заключается в том, чтобы при каждом удобном случае снабжать ее наибольшим количеством провианта, какое она может вместить, на тот случай, что она может неожиданно подвергнуться осаде или блокаде. По этой причине, джентльмены, когда кавалеру случается напасть на хорошую и обильную еду, он, по-моему, поступит благоразумно, если озаботится подкрепить себя, по крайней мере, на три дня вперед, ибо еще неизвестно, удастся ли ему до тех пор опять пообедать.

Лэрд Мак-Олей согласился, что это мера крайне разумная и предусмотрительная, и посоветовал ветерану прибавить к поглощенным яствам еще стаканчик виски и бутылку бургундского, что капитан тотчас и начал исполнять с большой готовностью.

Обед убрали, и слуги все ушли, за исключением одного лишь хозяйского пажа, или кравчего, который оставался в комнате и состоял на побегушках, когда нужно было за кем-нибудь послать или что-либо принести; словом, он играл роль того звонка, который в настоящее время у нас в столовой отвечает тем же целям. Разговор зашел о политике

и положении страны, и лорд Ментейт убедительно попросил подробно сообщить ему, которые из кланов ожидаются на сборище сторонников короля.

– Это, милорд, – сказал лэрд, – в значительной степени зависит от того, кто поднимет знамя. Вы знаете, каковы хайлендеры: если соберется хоть несколько кланов, очень трудно заставить их повиноваться какому-нибудь одному вождю, хотя бы и из нашей же среды. Слышали мы, что будто Колкитто, то есть младший Колкитто, иначе называемый Алистер Мак-Дональд, приплыл из Ирландии с отрядом людей графа Энтрима и что они уже достигли Арднемуرخана. Им бы следовало уж быть здесь, но, вероятно, они застряли по дороге, занимаясь грабежом.

– Может быть, Колкитто и годился бы вам в вожди? – сказал лорд Ментейт.

– Колкитто! – проговорил Аллен Мак-Олей презрительно. – Кому нужен этот Колкитто? На свете только один и есть человек, за которым мы пойдем, и это Монтроз.

– Но, сэр, – сказал Кристофер Холл, – о Монтрозе ничего не слышно после нашей попытки восстания на севере Англии. Полагают, что он воротился в Оксфорд, к королю, за новыми инструкциями.

– Воротился! – сказал Аллен с презрительным смехом. – Я бы вам сказал... да не стоит, скоро и сами узнаете.

– Клянусь честью, Аллен, – сказал лорд Ментейт, – ты своей угрюмостью и несносным приставанием всех своих дру-

зей выведешь из терпения!.. Ну да я знаю, отчего ты не в духе, – прибавил он, смеясь, – должно быть, не видал сегодня Анну Лейл.

– Кого, вы сказали, я не видал? – переспросил Аллен сурово.

– Анну Лейл, волшебницу, царицу песен и стихов! – сказал лорд Ментейт.

– Дай бог никогда мне ее не видеть, – сказал Аллен вздыхая, – лишь бы тот же зарок и на вас был положен.

– Почему же именно на меня? – спросил Ментейт беззаботно.

– А потому, – сказал Аллен, – что у вас на лбу написано, что вы друг друга погубите. – С этими словами он встал и вышел из комнаты.

– Давно он в таком виде? – спросил лорд Ментейт, обратясь к старшему брату.

– Дня три, – отвечал Ангус, – припадок уж проходит; завтра ему будет лучше... Что же, джентльмены, не оставляйте стаканов недопитыми. Здоровье короля Карла! Да здравствует король Карл⁴⁵, и пусть тот ковенантский пес, который не желает ему здравствовать, отправляется в рай через Сенную площадь!

Тост был встречен всеобщим одобрением; за ним тотчас последовал другой, и третий, и четвертый; каждый был предложен в энергичной форме, и все имели политический и пар-

⁴⁵ *Да здравствует король Карл!* – Имеется в виду Карл I Стюарт (1625–1649).

тийный характер. Однако капитан Дальгетти счел за нужное оговориться.

– Джентльмены кавалеры, – сказал он, – я присоединялся ко всем вашим тостам, во-первых, из уважения к здешнему гостеприимному и почтенному хозяину, во-вторых, потому, что не люблю в таких случаях придерживаться особенной точности; но заявляю, что, согласно предварительному уговору с этим благородным лордом, я удерживаю за собой право, невзирая на теперешнее мое снисхождение, хотя завтра же поступить на службу к ковенантерам, буде мне заблагорассудится.

Мак-Олей и английские гости вскочили с мест, услышав такую декларацию, и, наверное, опять произошла бы драка, если бы в дело не вступился лорд Ментейт и не объяснил, какого рода уговор произошел между ними.

– Я все еще надеюсь, – сказал он, – что нам удастся заручиться содействием капитана Дальгетти, переманив его на нашу сторону.

– А если этого не будет, – сказал лэрд, – то и я со своей стороны предупреждаю, что ничто происходящее сегодня, ни то, что он откушал моего хлеба и соли, ни то, что отвечал на мои тосты как виски и бордоским вином, так равно и шафранной настойкой, не помешает мне расшибить ему голову до самого затылка.

– Сделайте одолжение, – отвечал капитан, – если только мой палаш не сумеет защитить моей головы, что ему не раз

случалось делать в таких случаях, которые были поважнее вашего гнева.

Тут лорд Ментейт опять вмешался и с немалым трудом так успел восстановить доброе согласие, после чего завершили мировую еще несколькими серьезными выпивками. Однако Ментейт постарался закончить пиршество раньше того, чем было принято в замке, ссылаясь на усталость и нездоровье. Такое распоряжение несколько огорчило храброго капитана, который в числе других привычек, приобретенных в Нидерландах, нажил пристрастие к питью и способность к вмещению изумительного количества крепких напитков.

Хозяин сам проводил их в спальню, то есть в длинную галерею, где стояла одна большая кровать под клетчатым пологом, на четырех колонках, и несколько длинных плетеных корзин, поставленных вдоль стены: три из них, наполненные цветущим вереском, были, очевидно, приготовлены для гостей.

Ангус Мак-Олей отвел несколько в сторону лорда Ментейта и сказал ему:

— Вас нечего учить, милорд, как у нас в горах устраиваются ночлеги. Только мне что-то не хотелось оставлять вас на ночь вдвоем с этим немецким бродягой, и потому я распорядился приготовить постели для ваших слуг тут же, в галерее. Ей-богу, милорд, нынче такие времена, что ложишься спать с целым и здоровым горлом, способным преисправно глотать виски, а наутро, того и гляди, оно окажется разину-

тым вроде устричной раковины.

Лорд Ментейт искренне поблагодарил его, говоря, что это то самое устройство, о котором он сам хотел просить его, потому что, хотя он нимало не опасается неприязненных действий со стороны капитана Дальгетти, но Эндерсона желал бы иметь постоянно при себе, потому что он не совсем слуга, а нечто вроде джентльмена.

– Я еще не видал этого Эндерсона, – сказал Мак-Олей. – Вы его наняли, вероятно, в Англии?

– Да, в Англии, – отвечал лорд Ментейт, – завтра утром вы его увидите. А пока желаю вам спокойной ночи.

Мак-Олей после этого ушел из комнаты и только что намеревался мимоходом обратиться с таким же приветствием к капитану Дальгетти, как заметил, что тот увлеченно занялся осушением большого кувшина с поссетом⁴⁶; находя, что нечего ему мешать в столь похвальном занятии, хозяин без дальнейшей церемонии удалился.

Почти в ту же минуту вошли слуги лорда Ментейта. Почтенный капитан, начинавший ощущать некоторые неудобства после столь обильного угощения, принялся было расстегивать крючки своего панциря, но нашел, что это становится слишком трудно, и, слегка икнув, обратился к Эндерсону с такими словами:

– Эндерсон, мой любезный друг, ты, вероятно, читал в Писании, что скидывающий свои боевые доспехи не должен

⁴⁶ *Поссет* – горячий напиток из молока, смешанного с пивом, вином и т. п.

хвастать этим наравне с надевающим. . . Нет, кажется, это не так сказано. Ну, все равно, дело в том, что я рискую заночевать в этом панцире, подобно многим честным воинам, которые уж и не проснулись никогда, если ты не поможешь мне расстегнуть вот эту пряжку.

– Помоги ему расстегнуться, Сиббальд, – сказал Эндерсон другому слуге.

– Клянусь святым Андреем, – воскликнул капитан, оглянувшись в изумлении, – простой слуга, наемник, получающий в год четыре фунта жалованья да ливрейный камзол, а считает для себя унижительным послужить ротмистру Дугалду Дальгетти из Драмсуокита, который получил образование в маршальской коллегии в Абердине и сам служил чуть ли не каждому из европейских монархов!

– Капитан Дальгетти, – сказал лорд Ментейт, которому в этот вечер было на роду написано беспрестанно мирить людей, – заметьте, пожалуйста, что Эндерсон никогда никому не прислуживает, кроме одного меня, но я сам с большим удовольствием помогу Сиббальду расстегнуть ваш панцирь.

– Не беспокойтесь, милорд, – сказал Дальгетти, – а впрочем, и для вас не вредно поучиться, каким образом снимается и надевается хорошая кираса. Я в свою влезаю и вылезаю обратно, точно это перчатка. . . Вот только сегодня. . . хоть и не пьян, а чувствую, что я, по классическому выражению, *vino ciboque gravatus*⁴⁷.

⁴⁷ Отягчен вином и едой (*лат.*).

Между тем его раздели, и он стоял перед огнем и с выражением пьяной рассудительности на лице размышлял о событиях этого вечера. Пуще всего занимал его нрав Аллена Мак-Олея.

– Вишь как ловко озадачил англичан своими факельщиками!.. Вместо шести серебряных подсвечников выставил восемь босоногих молодцов! Вот так штука!.. Нечего сказать, мастер!.. Чистый фокус... А еще говорят, что сумасшедший... Думается мне, милорд, – тут он покачал головой, – что, невзирая на его родство с вашим сиятельством, придется мне признать его за разумного человека и либо поколотить за нанесенное мне оскорбление, либо потребовать удовлетворения и биться с ним, как следует обиженному воину.

– Если бы вам не лень было в такой поздний час выслушать длинную историю, – сказал лорд Ментейт, – я бы вам рассказал, каким образом Аллен родился на свет Божий, и тогда вы сами убедились бы, что он неповинен в своих странностях и требовать с него удовлетворение совершенно невозможно.

– Длинная история, милорд, – сказал капитан Дальгетти, – да еще после хорошей вечерней выпивки, это, наравне с теплым ночным колпаком, наилучшее средство уснуть великолепнейшим образом. А потому, если ваше сиятельство будете так милостивы и возьметесь рассказывать, я буду вам терпеливым и признательным слушателем.

– Эндерсон, – сказал лорд Ментейт, – да и ты также, Сибальд, наверное, сгораєте от любопытства послушать историю этого странного человека. А я думаю, что вам полезно узнать ее, чтобы вы после знали, как с ним обращаться в случае надобности. Пойдите лучше сюда, поближе к огню.

Собрав таким образом свою аудиторию, лорд Ментейт присел на край кровати с четырьмя колонками, а капитан Дальгетти обтер с усов и бороды то, что осталось от кувшина с поссетом, и, прошептав первые строки лютеранского псалма «Всяк дух благой да хвалит Господа...», завалился в одну из приготовленных постелей, закутался поплотнее и, выставив из-под одеяла свою мохнатую голову, расположился слушать лорда Ментейта в самом блаженном состоянии между сном и явью.

– Отец этих двух братьев, – рассказывал лорд Ментейт, – Ангуса и Аллена Мак-Олей, был джентльмен почтенный и родовитый, начальник одного из горных кланов, немногочисленного, но бывшего на хорошем счету. И мать этих молодых людей была также благородной и высокой породы, если позволительно мне так выражаться насчет одной из моих ближайших родственниц. Брат ее, юноша пылкий и честный, получил от короля Якова Шестого⁴⁸ право охоты (и некоторые другие привилегии) на королевских землях, располо-

⁴⁸ Яков (Иаков) VI (1567–1625) – сын Марии Стюарт; с 1567 г. был объявлен королем восставшими против Марии Стюарт шотландскими пресвитерианами; с 1603 г. под именем Иакова I стал одновременно королем Англии.

женных поблизости от здешнего замка, и, пользуясь этими правами, а также защищая их, он имел несчастье запутаться в ссору с несколькими из наших хайлендерских кэтеренов, или разбойников, о которых вы, по всей вероятности, слышали, капитан Дальгетти?

– Как не слышать! – сказал капитан, стараясь ответить по-толковее. – Пока еще я учился в коллегии в Абердине, Дугалд Гарр разыгрывал из себя настоящего черта в Гариохе, а Фаркуарсоны на берегах Ди; клан Чаттан делал то же на землях Гордона, а Гранты и Камероны обрабатывали дела на угодьях Мороя. С тех пор видал я пандуров⁴⁹ в Паннонии и Трансильвании, и казаков с польской границы, и всяких грабителей, бандитов и головорезов со всех концов света; стало быть, имею понятие о том, что такое ваши отчаянные хайлендеры.

– Тот клан, – продолжал лорд Ментейт, – с которым дядя Мак-Олеев состоял во вражде, был просто шайкой разбойников, которая, по своей бездомности и вечному шатанию по горам и долинам, была прозвана Сыновьями Тумана. Это все народ отважный, крепкий и свирепый, одушевленный всеми мстительными инстинктами, какие бывают свойственны людям, никогда не ведавшим никакого удержу и не

⁴⁹ *Пандуры* – наемные войска, вооруженные по образцу турецкой армии, впервые организованные в Венгрии в конце XVII в. Название получили от местечка Пандур. Первой войной, в которой участвовали пандуры, была война за австрийское наследство. Дальгетти не мог идти в пандуры в годы Тридцатилетней войны, так как их тогда еще не существовало.

тронутым цивилизацией. Отряд таких людей устроил засаду в том самом лесу, который предоставлен был в пользование дяди Мак-Олеев; его подстерегли в то время, как он охотился один, без прислуги, и убили с утонченной жестокостью. Отрубив ему голову, они решили, из удалства, показать ее в замке его зятя. Самого лэрда не было дома, и хозяйка поневоле приняла гостей, перед которыми, может быть, просто побоялась не отворить ворота. Сыновьям Тумана подали угощение, а они воспользовались удобной минутой и, вынув из плеча принесенную голову жертвы, поставили ее на стол и воткнули ей в зубы кусок хлеба, приглашая теперь поест с того самого стола, за которым столько раз она пировала. Хозяйка, отлучавшаяся по хозяйственным делам, в эту минуту воротилась в зал и, увидев голову своего брата, бросилась вон. Как стрела помчалась она в лес, испуская дикие вопли. Злодеи, удовлетворенные таким жестоким успехом, ушли. Растерявшаяся прислуга насилу опомнилась от внезапности всего происшедшего и в ужасе бросилась во все стороны искать свою госпожу, но ее нигде не нашли. На другой день воротился несчастный муж и с помощью всех своих людей предпринял более подробный обыск ближних и дальних окрестностей, но и на этот раз без всякого успеха. Общее мнение остановилось на том, что в припадке панического ужаса она или бросилась с одного из крутых утесов, окаймляющих реку, или утонула в глубоком озере, за милю от замка. Гибель ее была тем более горестна, что леди Мак-

Олей была беременна и уже на седьмом месяце; старшему ее сыну, Ангусу, было в ту пору года полтора... Однако я вас утомляю, капитан Дальгетти, и вам, кажется, хочется спать?

– Нисколько, – отвечал воин, – мне даже не дремлет, но я лучше слышу с закрытыми глазами. Я этому научился стоя, бывало, на часах.

– И воображаю, – шепнул лорд Ментейт Эндерсону, – как сержант, обходивший караул, частенько будил его алебардой.

Однако молодому графу, очевидно, припала охота рассказывать, и он продолжал свою историю, обращаясь преимущественно к своим служителям и не глядя на дремавшего ветерана.

– После этого, – сказал он, – все окрестные бароны поклялись отомстить за такое злодейство. Они взялись за оружие и вместе с зятем и со всеми родственниками убитого стали охотиться за Сыновьями Тумана и травить их, кажется, так же безжалостно, как они сами поступали с другими. Трофеями кровавой расправы оказались семнадцать голов, которые союзники разобрали между собой и, выставляя их над воротами своих замков, кормили ими ворон. Оставшиеся в живых Сыновья Тумана ушли в глубь страны, в отдаленные и пустынные места, где и заняли позицию.

– Направо кругом, марш! На прежнюю позицию! – молвил вдруг капитан Дальгетти; очевидно, он услышал спросонья знакомое слово, и оно вызвало в его уме привычную ко-

манду.

Но едва он проговорил ее, как очнулся и стал уверять, что все слышал, ни словечка не проронил из рассказа.

— В летнее время, — продолжал лорд Ментейт, не слушая его извинений, — здесь в обычае отсылать коров на горные пастбища, где трава лучше; и каждое утро, каждый вечер крестьянки из деревни и служанки с господского двора отправляются туда доить. Занимаясь этим делом, женщины из здешнего замка, к великому своему ужасу, заметили, что издали за ними наблюдает какая-то бледная, худая фигура, по облику сходная с их покойной госпожой; следовательно — ее призрак. Когда те из служанок, что были посмелее, отважились приблизиться к этой тени, она испустила дикий крик и скрылась в лесу. Мужу рассказали об этом, и он, взяв с собой людей, пошел вверх по лощине, принял меры к преграждению оттуда выхода и распорядился так удачно, что несчастную беглянку нашли и задержали, но она оказалась совсем помешанной. Как она существовала во время своих странствий — осталось невыясненным. Думали, что она питалась кореньями и лесными ягодами, которых в это время года бывает очень много; но большинство простого народа было того мнения, что она питалась молоком диких ланей, или ее кормили волшебницы, или вообще с ней случилось что-нибудь сверхъестественное. Напротив, появление ее среди людей объяснялось довольно просто: вероятно, прячась в кустах, она видела, как доили коров, а так как наблюдение за

молочным хозяйством всегда было ее любимым домашним делом, привычка взяла свое и, даже при расстроенном состоянии ума, она заинтересовалась этим.

Когда пришло время, несчастная леди произвела на свет мальчика, и младенец не только не пострадал, по-видимому, от бедственного состояния своей матери, но, напротив, казался необычайно здоровым и крепким ребенком. Бедная мать его после родов пришла в себя, по крайней мере стала значительно спокойнее и разумнее, но ни здоровье, ни душевная бодрость не возвратились к ней. Аллен был ее единственной отрадой, она не расставалась с ним, лелеяла его каждую минуту; и нет сомнения, что она в раннем детстве успела внушить ему многие из тех суеверий и предрассудков, к которым его восторженный и унылый нрав и без того был очень склонен. Ему было лет десять, когда она умерла. Что она ему говорила перед смертью, никто не знает, — они были тогда наедине, — но, вероятно, она завещала ему отомстить Сыновьям Тумана: с тех пор он очень пристально этим занимался.

После кончины матери Аллен Мак-Олей стал совсем другим мальчиком. До тех пор он был при ней неотлучно, выслушивал ее рассказы о сновидениях, рассказывал ей свои собственные и таким образом питал свое воображение (и без того, вероятно, расстроенное особыми обстоятельствами, которые предшествовали его рождению) всеми дикими и страшными горными суевериями, которыми его бедная мать

была одержима со времени трагической смерти своего брата. От такой жизни мальчик стал робок, нелюдим, имел постоянно какой-то дикий, встревоженный вид, любил уединение, прятался по трущобам в лесу и ничего так не боялся, как общества детей одинакового с ним возраста. Помню (я, впрочем, на несколько лет моложе его), как однажды отец привез меня сюда в гости. До сих пор не могу забыть, как этот маленький отшельник чуждался меня и ни за что не хотел принять участие в играх, свойственных нашему тогдашнему возрасту. Помню, как его отец жаловался моему на нелюдимый нрав своего сына и в то же время говорил, что не находит возможным разлучать его с матерью, потому что для его бедной жены этот ребенок не только служит единственной отрадой в жизни, но присутствие его предупреждает, по видимому, возвращение тех припадков безумия, которые на нее находили прежде, а теперь стали реже и слабее. Но со смертью матери в мальчике произошла коренная перемена. Правда, он все еще был серьезен и задумчив, и по временам на него находили такие полосы рассеянности и безмолвия, которые ясно показывали, что в этом отношении все в нем остается по-прежнему. Но в другое время он сам начал искать общества молодежи своего клана, которого до тех пор положительно чуждался. Он стал принимать деятельное участие в их забавах и упражнениях, и так как был от природы одарен необычайной силой, то вскоре перещеголял как старшего брата, так и других мальчиков значительно старше

себя. До тех пор к нему относились с пренебрежением, а тут начали его побаиваться, хоть и не любили. Прежде говорили, что Аллен слабоумный мечтатель, кисляй, а теперь, когда случалось с ним бороться или играть в войну, товарищи жаловались, что он склонен слишком серьезно относиться к игре и часто забывает, что затеянная драка есть только приятельская забава, а не настоящая ссора...

Однако я обращаюсь к невнимательным ушам, – сказал лорд Ментейт, прерывая свое повествование, так как мощный храп капитана служил неоспоримым доказательством того, что он находится в объятиях Морфея.

– Если вы разумеете уши этой хрюкающей свиньи, милорд, – сказал Эндерсон, – то они действительно перестали что-либо слышать; но так как здесь нельзя найти места для более интимных совещаний, я надеюсь, что вы продолжите свой рассказ в пользу нас с Сиббальдом. История этого бедного юноши возбуждает во мне глубокий интерес.

– Итак, – продолжал лорд Ментейт, – Аллен изощрял свою силу и ловкость до четырнадцатилетнего возраста. Около этого времени он стал проявлять самостоятельную волю, независимый нрав и так нетерпеливо относился к малейшему стеснению, что отец его был этим серьезно огорчен и встревожен. Под предлогом охоты он пропадал в лесах по целым дням и ночам, но далеко не всегда возвращался с дичью. Отец его тем более беспокоился, что некоторые из Сыновей Тумана, пользуясь возрастающим брожением в стра-

не, возвратились в свои прежние логовища, а он между тем не считал за нужное возобновлять против них гонения. Но, зная, как они злопамятны и мстительны, он тем более трепетал за Аллена, который легко мог попасться им в руки.

Я сам был в гостях в этом замке, когда разрешились на этот счет все сомнения. Аллен с рассветом ушел в лес, где я тщетно старался его разыскать; настал вечер, ненастный и бурный, а его все не было. Отец его был в мучительной тревоге и собирался наутро послать отряд искать Аллена. Мы сидели за ужином, как вдруг дверь растворилась и Аллен вошел твердой походкой, с гордым и спокойным видом. Зная его неукротимый нрав и боясь припадков умопомешательства, отец не решился выказать своего неудовольствия и ограничился замечанием, что и я ходил на охоту и застрелил жирного оленя, а воротился домой засветло, тогда как Аллен до полуночи пробыл в горах и пришел с пустыми руками. «Полно, так ли? – молвил Аллен свирепо. – У меня есть кое-что, и сейчас вы заговорите иначе».

Только тут мы заметили, что руки у него в крови и на лице брызги крови. С нетерпением ждали мы, что будет. Вдруг он отвернул угол своего пледа и выкатил на стол человеческую голову, только что отсеченную, окровавленную, приговаривая: «Ложись на то место, где прежде лежала голова лучше тебя!» В исхудалом лице, рыжей бороде и волосах с проседью отец Аллена и другие узнали голову Гектора, одного из Сыновей Тумана, известного предводителя разбойников,

которого все боялись за необычайную его силу и свирепость; он принимал деятельное участие в убийстве лесничего, дяди Аллена, и спасся тогда посредством отчаянной храбрости и проворства, тогда как столько его товарищей было перебито. Можно себе представить наше изумление; но на все наши расспросы Аллен ничего не отвечал, и мы должны были довольствоваться догадками. Однако ясно было, что он сдвинулся с разбойником лишь после ужасной борьбы, потому что у него самого оказалось несколько ран.

После этого отец, конечно, озабочился уберечь его от мщения со стороны разбойников; но ни полученные раны, ни запрещение отца, ни запираание ворот замка и дверей его комнаты не в силах были помешать Аллену отправляться на поиски тех самых людей, которым он был особенно ненавистен. Он убегал по ночам через окно и, в насмешку над тщетными предосторожностями отца, принес один раз еще голову, а в другой раз – две головы Сыновей Тумана. Наконец и эти люди, как ни были они жестоки и отважны, устремились той упорной ненависти и отчаянной храбрости, с какими Аллен всюду их выслеживал и находил. Так как он никогда ни перед чем не останавливался и препятствий не признавал, они заключили, что жизнь его заколдована или же он находится под особым покровительством сверхъестественной силы. Они говорили, что и ружье, и кинжал, и дурлах⁵⁰ бессильны против него. Это приписывали, конечно, тем ис-

⁵⁰ Дурлах – колчан; буквально – мешок (со стрелами). – *Примеч. авт.*

ключительным обстоятельствам, при которых он был рожден. Кончилось тем, что целая шайка отчаянных хайлендеров, человек пять или шесть, в ужасе разбегалась от одного крика Аллена или звука его рога.

Тем временем, однако, Сыновья Тумана продолжали заниматься прежним ремеслом и наносили посильный вред и убытки как самим Мак-Олеям, так и их родным и сторонникам. Это вызвало новую против них экспедицию, в которой и я участвовал; мы расправились с ними довольно успешно, обложив единовременно и верхние и нижние ущелья занимаемой ими местности. Как обыкновенно делается в таких случаях, действовали мы беспощадно: жгли и убивали без разбора. Когда война принимает такой ужасный оборот, часто погибают даже женщины и дети. Спаслась одна только маленькая девочка, да и то по настоятельной моей просьбе: Аллен бросился к ней с обнаженным кинжалом, а она ему улыбнулась. Мы привезли ее в замок, и она здесь выросла под именем Анны Лейл: это самая прелестная маленькая фея, какая когда-либо плясала на мураве при лунном свете. Аллен долго не мог переносить ее присутствия, пока ее необыкновенная наружность не навела его на мысль, что она не состоит в кровном родстве с ненавистным ему племенем, а попала к ним нечаянно, во время их грабительских набегов. Это, пожалуй, возможно, но он-то верит в это как в Священное Писание. Его особенно восхищает ее способность к музыке: и точно, никто в этой стороне лучше ее не играет

на клэршахе, то есть на арфе. Замечено, что ее музыка производит благотворное впечатление на Аллена в самые мрачные минуты его припадков, наподобие того, как в древности Давид успокаивал Саула. Но нрав у Анны Лейл такой приятный, ее невинность и веселость так восхитительны, что в замке с ней обращаются скорее как с сестрой хозяина, нежели как с бедной воспитанницей, которую держат из милости. И в самом деле, невозможно ею не заинтересоваться, когда видишь такую искренность и живость, столько грации и кротости...

– Осторожнее, милорд, – сказал Эндерсон с улыбкой, – такие восторженные похвалы могут быть опасны. Этот Аллен Мак-Олей, как вы его описываете, будет нешуточным соперником.

– Вот еще! – сказал лорд Ментейт, рассмеявшись, но краснея в то же время. – Аллен недоступен нежной страсти, а что до меня, – прибавил он серьезно, – неизвестное происхождение Анны мешает мне питать относительно ее серьезные намерения, а ее беззащитность исключает возможность всего другого.

– Речь, вполне достойная вашего благородства, милорд, – сказал Эндерсон. – Но надеюсь, что вы доскажете нам интересную историю?

– Она почти кончена, – молвил лорд Ментейт, – остается прибавить, что всем известная сила и отвага Аллена Мак-Олея, его энергический и неукротимый нрав, а также обще-

распространенное мнение, поддержанное им самим, будто он общается со сверхъестественными существами и может предсказывать будущее, – все это доставляет ему большую власть и влияние над кланом, люди почитают его гораздо больше, чем его старшего брата, который тоже храбрый и молодцеватый хайлендер, но ни в каком отношении не может тягаться со странными и исключительными качествами младшего.

– Да, такой человек, – сказал Эндерсон, – неминуемо должен производить глубокое впечатление на умы хайлендеров. Во всяком случае, милорд, нам необходимо заручиться содействием Аллена. С одной стороны, такая храбрость, с другой – дар ясновидения...

– Тсс... – прошептал лорд Ментейт. – Филин просыпается.

– Вы говорите о ясновидении, сиречь о дейтороскопии? – сказал капитан. – Помню я, блаженной памяти майор Монро рассказывал мне, как Мурдох Мак-Кензи, уроженец Ассента, волонтер в его роте и хороший солдат, предсказал смерть Дональда Тау, из Лохбера, и некоторых других лиц, а также рану самого майора, полученную во время внезапного нападения при осаде Тральзунда.

– Я часто слышал об этой способности, – заметил Эндерсон, – но всегда думал, что одержимые ею или исступленные фантазеры, или просто обманщики...

– Нет, я бы затруднился причислить к тем или другим мо-

его кузена Аллена Мак-Олея, – сказал лорд Ментейт, – он во многих случаях проявлял большую проницательность и здравомыслие, в чем и вы сегодня могли убедиться, так что иступленным фантазером его нельзя назвать; а его мужественный характер и возвышенные понятия о чести показывают, что он не способен на обман.

– Следовательно, ваше сиятельство вполне верите в его чудесную способность? – спросил Эндерсон.

– Я в ней не вижу ничего сверхъестественного, – возразил Ментейт, – полагаю, что он сам воображает, будто его предсказания суть сверхъестественные внушения каких-то неизвестных сил, тогда как это просто выводы разумной сообразительности; все фанатики считают плоды своего воображения вдохновениями свыше... Не знаю, Эндерсон, удовлетворит ли тебя сколько-нибудь мое объяснение, но я ничего другого не могу придумать. А нам давно пора спать после такого длинного и утомительного путешествия.

Глава VI

Тень грядущих событий предшествует им.
Кэмпбелл⁵¹

Ранним утром следующего дня все гостившие в замке вскочили с постелей. Лорд Ментейт, поговорив с минуту отдельно со своими слугами, обратился к капитану, который, сидя в углу, чистил свои доспехи трепелом и замшей, мурлыча себе под нос старую военную песню, сложенную в честь победоносного Густава Адольфа:

Когда пушки загрохочут, будут ядра пролетать,
Кому честь своя дороже, тот не бойся умирать...

– Капитан Дальгетти, – сказал лорд Ментейт, – пришло время решить, расстаться нам с вами или стать товарищами по службе.

– Сперва, надеюсь, позавтракаем? – сказал капитан Дальгетти.

– Да я думал, что ваш гарнизон уже на три дня снабжен провиантом, – возразил граф Ментейт.

– Для мяса и овсяных лепешек еще есть место, – отвечал капитан, – а я никогда не пропускаю случая пополнить свои

⁵¹ Эпиграф взят из поэмы Томаса Кэмпбелла «Предостережение Лохиеля».

запасы.

– Но, – сказал лорд Ментейт, – ни один разумный полководец не потерпит в своем лагере нейтральных флагов больше, чем того требует осторожность; поэтому и нам необходимо скорее узнать точное ваше мнение, чтобы сообразно этому дать вам пропуск для безопасного отсюда выезда или официально приветствовать в вас нового товарища.

– Это справедливо, – сказал капитан, – а потому не буду оттягивать капитуляцию посредством ложных переговоров, как то отлично проделал сэр Джемс Рамсей при осаде Ганнау в лето от Рождества Христова тысяча шестьсот тридцать шестое; откровенно говоря, если ваше жалованье окажется мне так же по вкусу, как провиант и ваша компания, то я готов хоть сейчас присягнуть вашему знамени.

– Жалованье, – сказал лорд Ментейт, – мы теперь можем назначить очень небольшое, потому что оно должно выплачиваться из того общего фонда, который мы собрали между собой с тех, кто мог что-нибудь дать. В звании майора и адъютанта я не в состоянии предложить капитану Дальгетти более полуталера в сутки.

– Черт бы побрал все эти половинки да четверти! – сказал капитан. – Кабы меня спросили, я бы так же не согласился на раздел пополам этого талера, как женщина на суде Соломона не соглашалась разрубить собственное детище.

– С той разницей, капитан, что вы все-таки охотнее согласились бы взять полталера, чем уступить его целиком дру-

гому... Впрочем, в дополнение я могу вам обещать другую половину по окончании кампании.

– Уж эти мне дополнения, – молвил капитан Дальгетти, – вечно их обещают и никогда ничего из этого не выходит! Что Испания, что Австрия, Швеция – все одну песенку поют. Ох, вот уж дай бог здоровья голландцам: хоть они и свиньи, и в военную службу никуда не годятся, а платят хорошо. А все-таки, милорд, будь я только уверен, что моя родовая вотчина Драмсуокит досталась в руки какого-нибудь негодяя ковенантера и что его, в случае вашего успеха, можно будет признать изменником и, следовательно, отобрать у него имущество, я так высоко ценю прелесть этого плодородного местечка, что, пожалуй, из-за этого пошел бы воевать заодно с вами.

– Я, кажется, могу разрешить недоумение капитана Дальгетти, – сказал Сиббальд, второй слуга Ментейта, – если его родовая вотчина Драмсуокит есть то самое длинное болото этого имени, лежащее миль на пять к югу от Абердина, то я знаю, что его недавно купил Элиас Стракан, отъявленный мятежник и ковенантер.

– Вишь, корноухий пес! – воскликнул в ярости капитан. – С чего он вздумал покупать наследственное имение, принадлежавшее нашей фамилии в течение четырехсот лет? *Synthius aurem vellet*⁵², как говорилось у нас в маршальской коллегии, то есть это значит, что я его за уши вытащу из до-

⁵² Кинфий дернет за ухо (*лат.*).

ма моего отца. Ну, милорд Ментейт, теперь я ваш, рука моя, меч, тело и душа – ваши, пока не разлучит нас смерть или до конца предстоящей кампании, судя по тому, что прежде произойдет.

– А я, – сказал молодой граф, – скрепляю наш договор выдачей месячного жалованья вперед.

– Этого более чем достаточно, – сказал Дальгетти, пряча деньги в карман. – А теперь я сойду вниз, надо посмотреть, в порядке ли мое боевое седло, справить всю амуницию, задать Густаву корм да сообщить ему, что мы опять поступили на службу.

– Вот каков наш любезный новобранец, – сказал Ментейт Эндерсону, когда капитан вышел из комнаты, – боюсь я, как бы он нас не осрамил.

– По нашему времени он человек довольно обыкновенный, – сказал Эндерсон, – без таких молодцов нам вряд ли удастся провести наше предприятие до конца.

– Сойдем же и мы вниз, – сказал лорд Ментейт, – посмотрим, каково идет наш сбор; мне кажется, в замке начинают пошевеливаться.

Войдя в зал, куда за ним последовали на почтительном расстоянии оба слуги, лорд Ментейт поздоровался с Ангусом Мак-Олеем и с его английскими гостями, между тем как Аллен, сидевший на вчерашнем месте у огня, ни на кого не обращал ни малейшего внимания.

Старый Дональд поспешно ворвался в зал, говоря:

- Посланный от Вих-Алистера Мора⁵³; к вечеру он будет здесь!
- А много ли с ним народу? – спросил Мак-Олей.
- От двадцати пяти до тридцати человек, – отвечал Дональд, – обычная его свита.
- Навали побольше соломы в большом сарае, – сказал лэрд.

⁵³ Родовое имя Мак-Дональдов из Гленгарри. – *Примеч. авт.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.